

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

КУЛЬТ

То, что всегда голодно
и никогда не насытится.
То, что откликается на каждый зов.
Оно проникает со страстями
и желаниями и действует
через порок и изъяны.
Оно терпеливо ждет,
оно всегда рядом...

КОНСТАНТИН
ОБРАЗЦОВ

18+

Красные цепи

Константин Образцов

Культ

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Образцов К.

Культ / К. Образцов — «Эксмо», 2016 — (Красные цепи)

ISBN 978-5-699-90658-1

Далекий северный город. Город, погруженный в однообразную рутину. Но так было за миг до того, как Зло, безликое и безымянное, вторглось в это полусонное полусуществование. Теперь оно безраздельно царит на пустынных улицах, пробуждает темные страсти, рождает страх и ненависть. Кто виноват в разгулявшемся хаосе? Причем здесь странная пара, недавно прибывшая в город? От автора: «Культ» - мой самый страшный роман, и не потому, что в нем особенным образом пугает публику какое-то необычайно ужасное чудовище. «Культ» страшен своей безысходностью: от тягучей, беспросветной атмосферы медленно умирающего города на краю холодного моря, до терроризирующего этот город inferнального Зла, которое, раз вызвав из небытия, уже не отправить обратно. Взрослые герои поглощены неблагоприятной борьбой за деньги и власть, и так увлечены ею, что не замечают своих детей, подсознательно копирующих как их ценности, так и методологию. Подростки же ищут способ преодолеть невольно пробужденную ими Тьму, но безуспешно: можно сокрушить оборотня или дракона, но невозможно противостоять эманациям зла, которое материализуется, будто тибетская тульпа, из пыльных и сумрачных закоулков души.

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-90658-1

© Образцов К., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	52
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Константин Образцов

Куль

© Образцов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».
Мф. 18:20

«Монстры реальны, и привидения тоже. Они живут внутри нас и иногда побеждают».
Стивен Кинг

«Все эти старые приметы... означают веру людей в то, что от силы нашего желания и от правильности наших ритуалов зависит реальность. А это свойство мышления древних и детей».
Профессор кафедры мировой психотерапии МГППУ Екатерина Михайлова

Глава 1

7 сентября 20... года.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info)

Вчерашний воскресный день ознаменовался торжественными мероприятиями, которые прошли в городском Парке культуры. Праздник был посвящен 125-летию основания Северосумска: именно к 7 сентября 18... года относится первое документальное упоминание о рыбацком поселении на том месте, где позже вырос наш город. В рамках торжеств состоялись народное гулянье, ярмарка ремесел, выступления самодеятельных творческих коллективов. Артисты городского драматического театра представили горожанам короткий спектакль о жизни первых строителей города, а завершился праздник концертом танцевального ансамбля «Морячок» и фейерверком. Почетными гостями мероприятия стали губернатор Михайловской области А. А. Пустовар, мэр Северосумска Б. С. Глотов, генеральный директор ОАО «Созвездие» П. Х. Бурый, президент ЗАО «Транспортная компания «Лига» П. М. Трок, а также другие руководители крупных компаний и бизнесмены города и области. Стоит отметить, что днем ранее мэр города Борис Саввич Глотов лично поздравил старейших жителей Северосумска, ветеранов войны и труда, которые, не жалея сил, сражались на фронтах Великой Отечественной войны и восстанавливали народное хозяйство в тяжёлые послевоенные годы. Все они получили памятные грамоты и праздничные продуктовые наборы.

Новости спорта

Победой северосумского «Судостроителя» завершился матч за третье место в финале чемпионата Михайловской области по футболу. Наша команда в упорной борьбе сломала сопротивление соперников, красногорского «Энтузиаста», и выиграла со счетом 2:1, завоевав бронзовые награды. Президент компании «Лига», которая является спонсором «Судостроителя», Петр Маркович Трок, поздравляя наших футболистов с этим успехом, сказал: «Уверен, что недалек тот день, когда мы будем отмечать победу «Судостроителя» в Лиге чемпионов!»

Криминальные новости

В ночь на 7 сентября около 5 часов утра на бульваре Новаторов нарядом полиции был задержан гражданин Ё., 35 лет, рабочий завода «Коммунар». Будучи в нетрезвом состоянии, Ё. устроил скандал в круглосуточном магазине сети «В двух шагах» и предпринял попытку открытого похищения бутылки пива и упаковки сушеных кальмаров. Прибывшие по вызову сотрудники магазина полицейские пресекли противоправные действия. Решается вопрос о назначении наказания в виде административного ареста.

В городе Михайловске при сбыте ранее похищенного колеса от автомобиля «КамАЗ» задержаны двое жителей Северосумска: 22-летний неработающий Ж. и 53-летний Ш., охранник супермаркета. Установлено, что они, действуя в соответствии с заранее продуманным преступным умыслом, ночью проникли на территорию ЗАО «Лига» и сняли одно колесо с грузового автомобиля. Осуществить свои планы полностью им помешала поднявшая тревогу служба безопасности предприятия, однако злоумышленникам удалось скрыться с похищенным. В настоящее время они дали признательные показания и отпущены до суда по месту жительства под подписку о невыезде.

Новости культуры

Удивительная находка была сделана в ночь на воскресенье при строительстве складского комплекса в районе старого торгового порта. Во время работ по расчистке территории и подготовке заглублений для котлована бригада экскаваторщиков обнаружила следы каменной кладки искусственного происхождения. Работа была немедленно остановлена, позже на место прибыли специалисты историко-краеведческого музея города Михайловска. Они с уверенностью определили, что найденное строителями сооружение не что иное, как остатки древней культовой постройки эпохи неолита. Дальнейшие раскопки, проводимые под руководством и контролем историков и археологов, позволили полностью очистить от грунта расположенное на трехметровой глубине капище круглой формы, стены которого выложены камнями, а также обнаружить на дне осколки керамической посуды и фрагменты орудий, возможно использовавшихся при отправлении религиозных обрядов. По мнению ученых, эта находка может иметь огромное значение: ведь вокруг культового сооружения обычно располагались жилища, а значит, речь может идти об открытии целого поселения времен позднего каменного века.

В настоящее время решением Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Михайловской области дальнейшее строительство в этом месте прекращено, а само культовое сооружение огорожено и взято под круглосуточное наблюдение. Получить комментарии Петра Марковича Трока, президента компании «Лига», совсем недавно начавшей реализацию масштабного проекта по созданию современного логистического терминала и реконструкции порта, нам не удалось.

* * *

На первый взгляд это была просто большая яма, черная, неровной округлой формы дыра в песчаном грунте. Такие копают, чтобы сбрасывать мусор. Его, собственно, и собрали со дна, когда раз за разом в сырую темную глубину спускались, а потом снова выбирались наружу, пыхтя и отдуваясь, собиратели и знатоки странных древних сокровищ: какие-то глиняные черепки с едва различимым рисунком, заостренные каменные осколки, окаменевшие обломки дерева, облепленные спрессованным песком, будто шершавым панцирем. Остатки забытой и брошенной кем-то утвари, ставшей ненужной еще шестьдесят столетий назад. Отбросы истории человечества. Кому это может понадобиться? Однако все было аккуратно и бережно разложено на широких полосах плотной белой ткани, расстеленной поверх комковатой грязи, и девушки в джинсах, ветровках, с волосами, забранными в хвост на затылке, нежными прикосновениями кисточек счищали с находок прилипший песок, подписывали и прикрепляли бумажные бирки, а бородатые мужчины, кряхтя, снова лезли в раскоп – с большими и маленькими лопатами, совками, жесткими щетками, пока, наконец, не расчистили капище полностью, обнажив грубую каменную кладку. Теперь яма смахивала на огромный, метра три в поперечнике, колодец, стены которого были выложены из черных и серых валунов, плотно пригнанных друг к другу. Не очень-то похоже на святилище, где собиралось все племя; скорее, на жилище шамана, бормотавшего там молитвы неизвестным богам, одурманенного дымом горящих трав, настойками из черных ягод и красных грибов, который потом, выходя к своим соплеменникам, сообщал им волю духов или давно умерших предков, являвшихся ему в горячечном мороке. Удача на охоте в обмен на жизнь самой красивой девственницы; богатый улов за жизнь мальчишки, косо посмотревшего на служителя культа. Лучшая доля добычи и пышнотелые женщины, чтобы шаман согласился еще раз замолвить слово перед потусторонними силами.

Потом люди ушли, тщательно упаковав осколки и черепки в пластиковые пакеты; находкам предстояло отправиться из одной могилы в другую, сменив земляную яму на склеп в запасниках областного музея, где в темноте, на пыльных рядах бесконечных полок хранилось бесчисленное множество таких же, невероятно древних, немыслимо ценных и никому не нужных

артефактов. Подземное капище накрыли низким куполом из плотного ярко-синего пластика; он был похож на хирургическую заплатку, которой наспех залатали открытую рану в развороченном грунте. Территорию вокруг обнесли наскоро поставленным железным забором: вбили столбы, прикрутили болтами коричневые металлические полотна – двести метров с востока на запад и пятьдесят – с юга на север. Со стройплощадки, частью изрытой, частью еще покрытой спутавшимися, стелющимися по земле стеблями упрямых северных трав, убрали почти всю технику; остался только один коренастый бульдозер – стальной, молчаливый зверь, пришедший поклониться древнему капищу. С восточной стороны в ограде оставили проезд, перегороженный широкими стальными воротами, а рядом поставили будку охраны, чтобы не пускать посторонних. Раскопки планировалось продолжить: если есть святилище, то должно быть и поселение вокруг него, а значит, где-то в толще песчаного грунта есть еще немало осколков посуды, обломков наконечников стрел, гарпунов, каменных топоров, а если повезет, то отыщутся и кости их бывших владельцев.

Люди селились в окрестных местах издревле: молчаливые племена саами и бородатые лопари; суровые поморы; викинги, разбивавшие тут временные лагеря, чтобы возвращаться в них после набегов на окрестные поселения; ссыльные, каторжники, искатели приключений, беглецы от закона и вольноотпущенные крестьяне. В конце позапрошлого века в одной из бухт, которыми изрезано местное побережье, возник рыбацкий поселок Кривая Губа. В тридцатых годах века прошлого сюда пришли первые строители, ударники коммунистического труда, герои индустриализации, и скоро Кривая Губа превратилась в бурлящий механической жизнью крупный судостроительный центр с заводами, верфями и портом. На севере города воздвигали промышленные предприятия, на юге – рубили леса и рыли карьеры, чтобы добывать песок и расширять намытые морем отмели; повсюду строили деревянные бараки, каменные дома и железные дороги. Город рос. Название Кривая Губа сменилось на Северосумск, по имени реки Сумь, что впадала неподалеку в море, образуя дельту из десятков маленьких рек и речушек, словно изрядно излохмаченный конец корабельного каната окунался в стильную морскую воду. По южной окраине города протекала, крадучись и извиваясь, угрюмая речка Шукра, однако название Северошукрск если и могло прижиться в каком-нибудь языке, то уж точно не в человеческом, и город получил имя в честь главной реки края. В советские времена в Северосумске жили и работали почти двести тысяч человек: на кораблестроительном гиганте «Созвездие», судоремонтном заводе «Коммунар», в порту, а еще на военно-морской базе, расположившейся на полуострове Гремячий. На Тройке – в третьем микрорайоне, что на восточной окраине города, даже построили несколько девятиэтажных панельных домов, из-за чего Тройка на некоторое время стала зваться Манхэттеном; в Заселье, на южном берегу Шукры, жили рабочие, трудившиеся на карьерах, и сотрудники местной ТЭЦ; на кривых узких улочках Слободки, примыкавшей к заводам, селились работники производств; городской центр назывался Рогаткой – наверное, из-за разделявшегося надвое проспекта Ленина, огибавшего площадь с памятником героям войны, фонтаном и административными зданиями.

Четверть века назад все изменилось. Огромные предприятия вначале остановились, а потом были разворованы столь основательно, что восстановить их в полной мере так и не удалось. Жители стали разъезжаться по другим городам: кто в областной центр Михайловск, что в семидесяти километрах вверх по течению Суми, кто в Петрозаводск, а кто и в Петербург или в Москву. Теперь вместо строительства ракетных крейсеров и атомных подводных лодок «Созвездие», в котором едва теплилась жизнь, перебивалось сборкой речных прогулочных теплоходов, а на «Коммунаре» ремонтировали сухопутную технику, а еще резали на металлолом списанные военные корабли, которые в ожидании своей участи терлись ржавеющими бортами, стеснившись у старых верфей. Порт тоже пришел в упадок; таможенного терминала тут не было, так что весь поток зарубежных товаров направлялся в Михайловск, а на долю Северосумска оставалось лишь морское грузовое сообщение с российскими приморскими городами,

расположенными еще дальше на севере, а таких было совсем немного. Военная база сократилась до небольшого гарнизона. Огромные песчаные карьеры на юге оказались заброшены и превратились в бездонные озера, наполненные непроницаемо темной водой, в которой отражались исполинские конусы ТЭЦ.

При взгляде сверху, оттуда, где кружили крикливые чайки, город похож был на лениво изогнувшегося морского зверя, лежащего на берегу и привязанного к суше тонкими редкими узлами железных и автомобильных дорог: полуостров Гремячий, как толстая шея, охватывал бухту с верфями и портом, а каменный мыс, похожий на маленькую голову с острым носом, был нацелен на западные окраины. Зверь как будто пытался укунить себя за хвост – ну, или лизнуть промежность, кому какое сравнение ближе. Но сейчас его голова тянулась точно в сторону ямы с древней каменной кладкой: то ли чтобы понюхать, недоумевая, что за дрянь вдруг прилипла к хвосту, то ли чтобы скорей зализать, как гнойную рану.

* * *

Они приехали в Северосумск глубокой ночью. Вышли из поезда на узкую пустую платформу, блестящую от оседающей с неба мороси и водяной пыли, которую нес морской ветер; огни фонарей, белые и голубые, отражались и преломлялись в лужах, каплях воды на больших окнах вокзала, и казалось, что вокруг в синих сумерках рассыпаны яркие искры. Был май, но дыхание вырывалось из губ облачками легкого пара. Они постояли немного, вдыхая незнакомый воздух чужого города – холодный, влажный, соленый – пробуя его на вкус, знакомясь с тем местом, где собирались прожить... нет, ни один из них не мог бы сказать, как надолго намерен остаться здесь: может быть, всего лишь на месяц или даже неделю, а может, и на всю жизнь. Планов они не строили. И теперь, стоя в молчании на перроне, не знали, что делать дальше.

Они провели вместе сутки в купе поезда дальнего следования, в теплом, умиротворяющем уюте; ровно стучали колеса, за окном сменяли друг друга однообразные виды: деревни, поля, редколесья, озера, – и между ними возникла та особая близость, которая бывает у попутчиков в долгой дороге. Вопросов о том, что заставило их оставить родной город и уехать первым попавшимся поездом подальше от Петербурга, они не задавали; оба сказали друг другу, что хотят начать новую жизнь, и этого было достаточно. К тому же это было правдой, пусть и не всей. У каждого имелись свои причины для бегства, и о них ни один не решился бы рассказать никому. Зато Аркадий Леонидович много рассказывал о работе в университете, о студентах, смешных случаях на экзаменах и об удивительных событиях из истории разных стран и народов. Карина говорила мало, но внимательно и с удовольствием слушала, а еще много улыбалась – впервые за двадцать шесть лет жизни – и даже один раз рассмеялась, удивив этим саму себя. Улыбаться оказалось очень приятно. Аркадий Леонидович ей нравился, и чем дальше, тем больше: умный, образованный, интеллигентный, взрослый – от него исходила какая-то особая, надежная и бережная сила, которая успокаивала и убаюкивала все тревоги. Это было похоже на силу отца, которую ощущает счастливый ребенок, но своего отца Карина не знала, да и счастливым ребенком она никогда не была; точно так же она никогда никого не любила и не имела опыта отношений с мужчинами, иначе бы поняла, что чувство, которое согревало ее изнутри, есть верный признак влюбленности.

Оказавшись на холодном пустынном вокзале, они растерялись. Сказка странствий закончилась, и оба ощущали себя беженцами, заброшенными куда-то на северный край земли, без дома, перспектив и надежд. В какой-то момент показалось, что они сейчас просто разойдутся в разные стороны; но вместо этого оба молча подхватили свои небольшие дорожные сумки и, не сговариваясь, вместе спустились с платформы и вышли в город.

Первую ночь в Северосумске Аркадий Леонидович и Карина провели в гостинице «Турист», что неподалеку от станции. Неприветливая пожилая консьержка с ярко-желтыми

волосами, которые будто еще в прошлом веке были уложены в высокий кокон и до хруста залиты лаком, выдала им ключ – старый, железный, на огромном деревянном брелоке. В маленьком номере было холодно, пахло старой прокуренной мебелью, из крошечной ванной несло едким запахом хлорки. В окна бил ветер и крупные капли дождя. Простыни, на которые они вместе легли, истончились от множества стирок и были ледяными, как замерзшие руки, а одеяло кололось сквозь изношенный пододеяльник и почти не грело, так что им пришлось крепче прижаться друг к другу. Аркадий Леонидович ощутил, как настороженно напряглось тело Карины под тканью ночной рубашки, и он осторожно, чтобы не испугать, обнял ее за плечи. Она подождала немного, будто проверяя, не случится ли чего страшного, потом расслабилась, придвинулась к нему ближе и уснула.

У Аркадия Леонидовича еще оставались кое-какие сбережения, и на следующий день он снял квартиру – впрочем, выбирать пришлось подешевле, так что они поселились в Слободке, на улице Красных Матросов, на первом этаже одного из построенных полвека назад пятиэтажных кирпичных домов, приземистых и угрюмых. Мебель на кухне почернела по кромкам от грязи, водопроводные краны хрипели и грохотали, вода в унитазе журчала не умолкая. В единственной комнате был старый сервант с пыльными чашками, большой круглый стол под желтой выцветшей скатертью, пара стульев, платяной узкий шкаф, накрытый кружевной салфеткой древний телевизор и продавленный раскладной диван на высоких деревянных ножках.

Теперь это стало их домом.

К счастью, у обоих были настоящие профессии, из тех, что нужны везде и всегда: преподаватель и медсестра. Карина сразу же устроилась в городской психоневрологический интернат, где старческое слабоумие постепенно гасило тускло мерцавшие искры разума немногочисленных обитателей. Там ее приняли с радостью, но не без удивления: «Из Петербурга? Работали старшей медсестрой в известной психиатрической клинике? Господи, зачем же вы сюда-то приехали?» Аркадий Леонидович тоже недолго сидел без работы: взявшись прозванивать по списку городские школы, он сразу же получил приглашение прийти на собеседование в школу № 1 – как выяснилось позже, она не без оснований считалась лучшей в городе и находилась в центре, на Рогатке. В этом была некоторая доля везения: в конце учебного года сложно было надеяться вот так сразу найти место учителя, но оказалось, что как раз месяц назад оттуда уволилась преподавательница истории. Перед встречей с администрацией он волновался: это был первый раз, когда в государственном учреждении ему пришлось представляться своим новым именем, к которому и сам еще не вполне привык – хорошо еще, что изменились только фамилия и отчество. Но все равно очень трудно привыкнуть к тому, что Аркадий Романович Каль – имя, под которым он прожил сорок девять лет, – согласно официальным документам, погиб, превратился в обезображенный огнем и обломками рухнувшего дома труп, и возродился вновь как Аркадий Леонидович Майзель. Впрочем, все прошло более чем удачно. Документы, которые он получил перед бегством из Петербурга, были безупречны и даже соответствовали отчасти его реальному опыту и биографии. В разговоре с директрисой и завучем не обошлось без восторгов, в которых звучало изумление: «Кандидат наук? Преподавали в университете? В Петербурге? А теперь учителем, к нам?!» Аркадий Леонидович пустился в какие-то надуманные объяснения, но они не потребовались. Школа была небольшой, всего один класс на параллели, так что количество часов по истории едва дотянуло до ставки, но ему пообещали возможность вести факультативы, дополнительные занятия и взять классное руководство, если будет такое желание. Аркадий Леонидович согласился: его все устраивало, да и от дома недалеко, можно ходить пешком. Впрочем, весь Северосумск можно было без труда пройти пешком от восточной до западной окраины за два часа неспешной ходьбы. А с юга на север и вовсе за час.

Лето, правда, пришлось прожить на старых финансовых запасах: школьники ушли на каникулы, а новому дому требовалось обустройство. На вещевом рынке, что занимал весь первый этаж дома культуры «Корабел», они купили дешевую стиральную машину, домашнюю

утварь и кое-какую одежду: зимние вещи, костюм и пару рубашек для Аркадия Леонидовича и несколько блузок и длинных юбок для Карины. Потом попытались поближе познакомиться с городом, но для прогулок был только парк, а перечень предлагаемых развлечений, которые могли бы их заинтересовать, отличался скудостью: драматический театр, где раз в месяц давали постановку классических пьес, кинотеатр и краеведческий музей, располагавшийся в старом деревянном особняке и похожий на дачу небогатого человека, пропитанную печалью, пылью и запустением.

Впрочем, к развлечениям они не стремились.

В конце августа началась подготовка к учебному году, а первого сентября Аркадий Леонидович приступил к преподаванию в «единице» – так в городе называли школу № 1. Он работал пять дней в неделю, кроме четверга и воскресенья, Карина – сменами, два через два, и в те дни, когда оставалась дома, их маленькая квартира наполнялась уютными запахами домашней еды, тепла, от которого запотевали стекла в ветхих оконных рамах, и негромким бормотанием телевизора. Они ужинали, разговаривали, иногда он читал ей вслух или рассказывал что-нибудь; потом они раскладывали диван и ложились спать.

Это была очень хорошая жизнь.

Они оба нуждались в отдыхе; в восстановлении; им обоим требовалось время, чтобы научиться жить заново, привыкнуть к нормальному человеческому существованию: Карине, у которой никогда не было семьи и дома, и Аркадию Леонидовичу, который их потерял. То, что он был почти вдвое старше – его сорок девять против ее двадцати шести, – только укрепляло их союз. Никогда и ни при каких обстоятельствах Карина не подпустила бы к себе близко молодого, развязного человека, а Аркадий Леонидович был для нее не только мужчиной, но и отцом, старшим другом, защитником, сильным и мудрым. И он тоже любил ее именно так: как старший друг, отец, как защитник, и это чувство постепенно заполняло пустоты в душе.

Оба были счастливы.

Разумеется, ни о какой интимной жизни в обычном понимании этого слова не могло быть и речи. У Карины сама мысль о сексе с мужчиной вызывала даже не отвращение, а ужас, смешанный с яростью, и переступить через себя она пока не могла. Аркадий Леонидович тоже нуждался во времени, чтобы сгладилась хоть немного кошмарные воспоминания о последнем интимном опыте. Так что секс не случился; зато была нежность, проявляющаяся в прикосновениях, легких поцелуях, от которых замирает дыхание, в объятиях, которые они не разжимали, даже засыпая; и что-то еще, терпеливое, любящее, чему трудно дать определение.

Хотела ли она его? Да, несомненно, хотя и не знала, как это выразить и что нужно делать. И боялась: не его, а себя, собственной неуклюжести, неуверенности, а еще – не справиться со страхом, который могли вызвать прикосновения пусть и любимого, но мужчины, и с тем, что может за этим страхом последовать.

Хотел ли он ее? Несомненно. В этой почти отцовской нежности, которую он испытывал к ней, было нечто возбуждающе постыдное, то, от чего бросало в краску при одной мысли о сексе с Кариной, даже при мысли о том, чтобы увидеть ее обнаженной: белая гладкая кожа, стройная, но по-женски округлая фигура, широкие бедра, маленькая, аккуратная грудь, и еще длинные черные волосы, и острый носик, и эти огромные темные глаза под густыми бровями... Всею свое время, думал он. Их близость проявлялась и в том, что они оба без слов понимали: всею свое время, и были благодарны друг другу за это. Нужно было осознать, привыкнуть, понять: теперь такая жизнь – навсегда.

А пока был сентябрь, холодный воздух пах морем и опавшей листвой, дома – уютный желтоватый свет, и ароматы еды, и разговоры, и тепло рук, и радость во взгляде, когда они видели друг друга. Скрипел, словно сетуя на непосильные для собственной дряхлости упражнения, раскладной диван, и они по очереди шли в душ, где Карина обычно очень долго стояла под горячими струями, безуспешно пробуя смыть небольшой темный знак в виде переверну-

того трезубца на внутренней части бедра. Она понимала, что мочалка и мыло тут не помогут, но все терла, пока покрасневшая кожа не начинала саднить. А потом выключала воду, надевала пижаму и ложилась в постель.

Да, это была очень хорошая жизнь.

Субботним вечером, в последний день первой рабочей недели в школе, все было как обычно. С тускло-серого неба сочился мелкий дождик, под ногами скользили прилипшие к асфальту раскисшие мокрые листья, по улице Красных Матросов проходили, втянув голову в плечи и опустив глаза, редкие пешеходы. Аркадий Леонидович привычно нашел взглядом окно кухни рядом с дверью в подъезд – оно светилось желтым и теплым – и вошел в дом. Дверь напротив его квартиры была приотворена. Длинный, нескладный парень с нечесаными кудрявыми космами стоял в дверном проеме и смотрел прямо перед собой. Когда Аркадий Леонидович увидел его в первый раз, еще в мае, едва они тут поселились, то даже испугался немного: стоит человек в приоткрытой двери и смотрит, не сводя глаз. Парень был явно не вполне нормален, и первое время Аркадий Леонидович опасался поворачиваться к нему спиной, открывая квартиру: казалось, что тот сейчас заорет и набросится сзади. Потом он познакомился с матерью молодого человека, неопрятной пожилой женщиной с диковато закрученными на голове седыми космами; к разговорам она была не очень-то расположена, но сказала, что сына ее бояться не нужно: он дурачок, но мирный. Так и сказала – дурачок. Когда она выходила из дома, он иногда открывал дверь и смотрел. Ждал маму.

– Привет, – сказал Аркадий Леонидович и, не дожидаясь ответа, достал ключ и отпер дверь.

– Получилось? – осклабился идиот.

Он всегда задавал этот вопрос. Аркадий Леонидович не знал почему.

– Да, все в порядке, – ответил он ему, как обычно. – Все получилось.

В тот вечер после ужина они читали «Песнь о Нибелунгах». Интересных фильмов по телевизору не было – Аркадий Леонидович и Карина смотрели только кино или программы о культуре, никаких шоу, а особенно никаких новостей – еще один пункт их негласного договора, как и отсутствие дома подключения к Интернету. Старый телевизор уверенно принимал только три или четыре канала, так что тихие вечера, без фильмов и передач, случались часто. Еще летом Карина предложила Аркадию Леонидовичу преподавать ей зарубежную литературу – то ли в шутку, то ли всерьез, но идея прижилась: ей было интересно слушать, а ему – читать и рассказывать. К августу они закончили с древнегреческим эпосом и античными трагедиями и взялись за европейское средневековье. Сегодня очередь была за пятой авантюрой: «Как Зигфрид впервые увидел Кримхильду».

...Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.
Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой,
Но не могу поверить, что скрыть ей удалось
Любовь, которую в нее вселил отважный гость...¹

Карина слушала будто сказку.

Ровно в одиннадцать они легли в постель и выключили свет. Минут через пять в квартире над ними слышались сначала тихие, потом громкие скрипы, а затем все учащающиеся глухие

---

¹ Перевод со средневерхненемецкого Ю. Б. Корнеева.

удары, протяжные стоны и глухое кряхтение. Это тоже было своеобразной традицией дома, как встречающий маму умственно отсталый парень на лестничной площадке. Поначалу они немного смущались, слушая в тишине недвусмысленные звуки, несущиеся с верхнего этажа, потом смеялись, а после привыкли и даже беспокоились, если соседский коитус задерживался позже обычного. Но в этот вечер и половая жизнь жильцов на втором этаже состоялась по расписанию: удары все учащались, как будто разгонялся, набирая обороты, какой-то механизм, стоны перешли в рычание и крики, завершившись пронзительным воплем. Пять минут, как обычно. Тишина.

А в два часа ночи Карина проснулась, открыла глаза и поняла, что оказалась не дома.

Вообще ни ей, ни Аркадию Леонидовичу не снились кошмары, хотя этого можно было бы ожидать. Ни обгоревших, изуродованных тел, ни падения в темную реку в разбитом автомобиле, ни крови, ни дымящего пламени; забылись длинные тени в углах, огонек черной свечи и в ужасе бьющийся человек, привязанный к железной кровати. Прошлое будто бы потеряло их, сбившись со следа. Но в ночь на воскресенье, в тот самый момент, когда ковш экскаватора со скрежетом врезался в каменную кладку древнего капища, Карина неожиданно для себя увидела вместо ставших привычными стен, оклеенных бледно-зелеными обоями, нечто другое: сырая кирпичная кладка, низкий тяжелый потолок, шершавый каменный пол, охлаждающий спину сквозь тонкую ткань пижамы.

Карина оцепенела, не чувствуя тела, но смогла чуть приподнять голову и оглядеться: разбросанные подушки, истертый красный ковер, багровая и черная драпировка на стенах, покрытый темной тканью алтарь и даже котел над пылающим в бочке огнем.

Это место было ей слишком хорошо знакомо. Подвал Виллы Боргезе за тысячу километров отсюда, выжженный дотла страшным пожаром, разрушенный взрывом и погребенный обрушившимся сверху зданием старой больницы.

Но сейчас он выглядел как и прежде.

Карина приподнялась еще немного. В ногах у нее стояли две девочки лет семи: одна, с длинными темными волосами, казалась печальной; другая, светловолосая, в яркой косынке на голове, смотрела на Карину с каким-то ехидным, злым торжеством.

– Привет! – сказала она. – Поиграешь с нами?

И захихикала.

Карина молчала. Она не могла говорить.

– Лерка, скажи ей! – И светловолосая девочка подтолкнула локтем свою подружку.

– Да, Карина, пожалуйста, поиграй с нами, – произнесла темненькая девочка и отвернулась. Карине показалось, что на глазах у нее блеснули слезы.

– Здесь очень скучно, – сообщила первая девочка. – А бабушка куда-то пропала. Так что, будем играть?

Карина зажмурилась, напряглась и попыталась мотнуть головой. Тело не слушалось, но она собралась, дернулась изо всех сил – и проснулась от того, что подпрыгнула на кровати, вздрогнув всем телом.

Было темно и тихо. На столе чуть слышно тикал будильник. Сердце часто и больно кололось в груди. Спина и грудь под пижамой покрылись холодным и липким потом. Карина едва перевела дыхание, как почувствовала, что рядом с ней с силой содрогнулся Аркадий Леонидович – и тут же проснулся, хрипло и часто дыша.

– Тише, тише. – Карина обняла его, поцеловала, погладила по лицу. – Что с тобой?

– Сон, – выдавил он. – Приснилось что-то. Какая-то дрянь.

«Мне тоже», – чуть не сказала Карина. Она хотела спросить его, что приснилось, но подумала и не стала.

– Все хорошо, я с тобой. – И она лишь сильнее прижалась к нему, продолжая гладить по лицу, шее, груди. Аркадий Леонидович вздохнул, крепко обнял Карину за плечи и поцеловал в макушку.

Ни один из них так больше и не уснул.

Аркадий Леонидович лежал, чувствуя, как тяжело бьется пульс в правой руке. То, что разбудило его, было не сном. Это было мгновенное, резкое и совершенно отчетливое ощущение толчка в правой ладони – забытое, но очень хорошо знакомое. Так отдаются в руку через резиновую рукоять удары железного молотка, с треском дробящего кости.

Глава 2

На подкладке пиджака, под внутренним карманом, была пришита белая, скромная бирка с аккуратными черными буквами: «Henry Pool special for Mr. Trok». Это вам не какой-нибудь купленный втридорога ширпотреб вроде Brioni, а сшитый по индивидуальному заказу костюм из ателье на Севил-роу – вещь знаковая для тех, кто понимает. Тут дело даже не в цене, а во вкусе, который в большей степени подчеркивает статус человека, чем возможность бездумно потратить огромные деньги на вещь под известной торговой маркой, изделия которой можно купить в любом аэропорту. Впрочем, та публика, с которой сегодня предстояло встретиться Петру Марковичу, вряд ли сможет оценить стиль и качество безупречного английского кроя. Вероятно, их бы больше впечатлил костюм от Hugo Boss и золотой Rolex, чем Henry Pool и Panerai. Ну и ладно. Это не первая их встреча; они и так знают, что он собой представляет. Сегодня этот костюм в большей степени был нужен ему самому – как боевой доспех, как напоминание о собственной силе; как знак, основная часть сообщения, адресованного собеседникам: «Со мной нужно считаться». Двадцать пять лет назад для этого идеально подошли бы золотые массивные цепи, дорогой спортивный костюм и ТТ; сравнительно недавно могли бы сработать рваные джинсы с надписью RICH на заднице и футболка с угловатым орлом на груди. Петру Марковичу приходилось в своей жизни надевать и то и другое, но теперь времена изменились, да и он тоже. Только одно осталось неизменным.

Со мной нужно считаться.

За окном хмурилось утро. Невыспавшееся унылое солнце вполсилы светило сквозь плотные серые тучи, низко нависшие над городом. Под ними суетливо реяли грязно-белые чайки: резко взмахивали крыльями, что-то кричали друг другу, то снижались, описывая круги, к помойным бакам между домами, то снова взмывали вверх с раздраженными воплями. Квартира Трока занимала весь верхний этаж в пятиэтажном доме старой постройки, а в свое время он приобрел еще и чердак, где обустроил жилую мансарду со спортзалом, детской и гостевой. Петру Марковичу всегда нравилось смотреть на мир с высоты, и сейчас ему был виден весь город: лохматые красно-желтые кроны деревьев в небольшом сквере у дома, за ними – широкая полоса проспекта Ленина, по которой неспешно проезжали автомобили, троллейбусы и маршрутки; дальше темнели приземистые кварталы Слободки, а за ней, в туманной дымке, виднелись призрачные громады «Созвездия» и «Коммунара» с торчащими вверх вышками и порталными кранами, а еще дальше мир обрывался – море сливалось на горизонте с небом, так что казалось, будто там нет ничего, только беспокойная, вечно колышущаяся серо-белесая мгла за пределами мира.

Трок перевел взгляд левее. Воздух над городом был тусклым и влажным, но Петру Марковичу показалось, что он различает смутные очертания старого порта, а чуть дальше, рядом с давно заброшенным рыбацким поселком, обнесенный забором участок земли с этой чертовой ямой посередине.

– Петя, ты готов? Андрей уже подъехал, ждет внизу.

Он отвернулся от окна и посмотрел на жену. Серый пиджак, узкая юбка до колен, медно-рыжие волосы собраны в безупречную деловую прическу; две верхние пуговицы на белой блузке расстегнуты, открывая высокую полную грудь ровно настолько, насколько нужно: уже интрига, но еще не предложение. Нельзя недооценивать силу деталей, когда предстоит непростой разговор.

Роза Трок не меньше, чем муж, разбиралась в умении правильно одеваться.

– Да, готов.

Петр Маркович бросил взгляд в зеркало, одобрительно и серьезно кивнул своему отражению: высокий, с безупречной осанкой, идеально пошитый костюм будто нарисован на спор-

тивной фигуре. В свои пятьдесят Трок выглядел на хорошие сорок и был похож не на провинциального бизнесмена, а на успешного столичного инвестора. Он поддернул воротник рубашки и с силой хлопнул в ладоши.

– Все, едем.

Рядом с подъездом стоял черный Range Rover. Молодой водитель вышел из машины и открыл заднюю дверь.

– Доброе утро, Петр Маркович!

– Доброе. Даниила отвез, все в порядке?

– Да, конечно.

Трок посмотрел на часы – 9.00. Как и в обычные дни, водитель Андрей с утра отвозил в школу младшего Трока, которого называл не иначе как Даниил Петрович, а потом возвращался за шефом. Но сегодня день необычный, и им предстояла поездка более дальняя, чем в офис «Лиги».

Супруги сели рядом на заднем сиденье: спокойные, молчаливые, собранные – хорошо сыгранная пара перед важным турниром. Хлопнули дверцы, и автомобиль выехал на проспект.

– Боря с нами поедет? – спросила Роза.

– Да, сказал, что с нами. Может, что-то обсудим еще по дороге. Водителя своего возьмет на всякий случай, но тот следом будет держаться. Андрей, сейчас по пути нужно за Борисом Саввичем заехать.

– Хорошо, Петр Маркович, – равнодушно ответил водитель и плавно принял чуть правее. То, что его шеф запросто заезжает за мэром города, было делом привычным.

Петр Маркович Трок начал свой бизнес в Северосумске двадцать пять лет назад, как раз в те тяжелые времена, когда большинство жителей предпочло покинуть родные края в поисках лучшей доли. Из активов на тот момент у него был старый отцовский «ИЖ-Комби», двести долларов в кармане, а еще предприимчивость и решимость. Вместе со своим другом, Борей Гловым, Трок вскоре стал главным, а потом и вовсе единственным перевозчиком в городе. В его «Лигу», первоначально предоставлявшую услуги грузового автомобильного транспорта, постепенно вошли железнодорожная станция «Северосумск-Товарная», старый торговый порт со всеми приписанными к нему судами, автовокзал с двумя десятками автобусов и маршрутных такси, ездивших в Михайловск, а еще по случаю подвернувшаяся сеть продовольственных магазинов, объединенных ныне под маркой «В двух шагах».

Не последнюю роль в этих впечатляющих коммерческих достижениях сыграл тот факт, что на протяжении нескольких лет через морской порт Северосумска шли на север несколько специфичные грузы: опиаты и мак-сырец. Отдаленность города, его тихая и строгая провинциальность, располагающая к установлению тесных родственных и дружеских связей между бизнесменами, чиновниками и руководителями правоохранительных органов, сделали его удобным перевалочным пунктом для того, чтобы переправлять в соседние страны продукцию особого рода. Впрочем, лет пятнадцать назад этому бизнесу пришел конец. Волна масштабного федерального расследования прокатилась с южных гор до северных морей и остановилась, можно сказать, на самых границах Северосумска, где был найден труп местного куратора этого криминального проекта. В те времена это называлось «положить шпалой крайнего». Кажется, так это называется и сейчас. В результате дело закончилось тем, что генеральный директор ОАО «Северосумский морской порт» уехал в столицу в наручниках, а Петр Маркович, как владелец порта, громко озвучил благородное негодование по поводу преступных действий своего топ-менеджера, был пару раз вызван следователями в качестве свидетеля, и на этом его тревоги закончились.

С тех пор «Лига» стала исключительно легальным предприятием. Трок научился разбираться в часах и костюмах, активно занимался спортом и открыл для себя вкус к чтению бизнес-литературы. Боря Глов, напротив, раздобыл, покраснел лицом, поредел волосами и

приобрел сильную отдышку человека, злоупотребляющего крепким алкоголем и пренебрегающего физическими упражнениями. Последнее, вероятно, было вызвано крайней занятостью по службе, ибо вот уже полтора десятка лет Борис Саввич Глотов являлся мэром Северосумска.

Это был их город, и они управляли им как настоящие заботливые хозяева. Глотов, например, выстроил в городе большой храм святых мучеников Бориса и Глеба, в котором неоднократно был замечен с семьей – женой и четырьмя дочерьми – по главным церковным праздникам. Трок реконструировал и содержал на собственные средства большой бассейн, в котором бесплатно могли заниматься все желающие, а еще поддерживал городскую футбольную команду «Судостроитель», которая много лет самоотверженно, но пока безуспешно стремилась к выходу в первую профессиональную лигу. Сын Петра Марковича от первого брака жил и работал в Москве и не стремился возвращаться в сонный город на берегу холодного моря. Дочь от второго брака училась в Петербурге, предпочитая наводящим тоску Слободке и Тройке интеллигентные красоты культурной столицы – по крайней мере, именно ради этого считающие себя творчески одаренными девушки уезжают в Петербург, привлеченные имиджем города художников и музыкантов и не понимающие до поры до времени, что попали в сумрачный склеп, населенный призраками и наркоманами, упырями и маргиналами, гнездящимися в трущобах коммуналок и проходных дворов. Впрочем, юной Лизе Трок отец посылал денежное содержание, достаточное для того, чтобы она как можно дольше могла избегать встречи с неприглядной реальностью и восхищаться зонтиками над переулками, граффити из поэтических цитат, закатами на крышах, коворкингами, смузи, креативными пространствами и прочим в таком духе. Третий брак, с рыжеволосой Розой, подарил Петру Марковичу не только еще одного сына, которому недавно исполнилось тринадцать лет, но и умного, а главное, надежного делового партнера. Во многом благодаря ее влиянию он полтора года назад приступил к реализации главного проекта своей карьеры.

Суть масштабной идеи заключалась в возрождении торгового морского порта Северосумска. Если провести реконструкцию и построить таможенный терминал; проложить еще одну железнодорожную ветку и увеличить в два раза возможности «Северосумск-Товарная»; если купить землю на западной окраине города и построить там мощный логистический центр со складами, охлаждаемыми ангарами и рефрижераторами, то можно было принимать весь объем грузов, следующих морским путем с севера, и перенаправлять их потоки в обход Михайловска. Бурное расширение бизнеса, фронт-офисы в Москве, Стокгольме, Осло и Хельсинки, огромные объемы – от масштабности замысла слегка шумело в голове и шевелились волосы на мошонке.

Был составлен бизнес-план и рассчитан проект. Общая потребность в средствах оценивалась примерно в 12,5 миллиарда рублей. «Лига» стабильно работала на обеспечении транспортно-логистической для кое-как держащихся на плаву «Созвездия» и «Коммунара», свой доход приносили пассажирские перевозки и магазины, но даже если бы Трок мобилизовал все имеющиеся у него денежные активы, то вместе они бы составили сумму, обозначенную цифрой после запятой в итоговом расчете. Требовались кредиты.

Помогли связи Розы в одном из крупнейших банков страны. Один из руководителей направления стратегических проектов приходился ей дальним родственником, который гарантировал получение необходимой суммы за взятку в размере грабительских 10 %. Бизнес-план пришлось подкорректировать, расчет возврата инвестиций и план по выручке из просто амбициозных превратились в фантастические, но тем не менее дело выгорело и кредитный договор был подписан: под разумный процент, на 15 лет с залогом на приобретаемую недвижимость.

Осталось купить землю – три гектара заросшей сорной травой пустоши, примыкающей к старому порту, между широкой прибрежной отмелью и лесом. Было принципиально важно получить в собственность именно этот участок; Трок дисциплинированно известил о своем намерении совершить покупку областной Комитет имущественных отношений и приготовился

получить разрешение на строительство в администрации Михайловской области, той самой, что могла лишиться огромного потока грузов и денег из-за проекта, для реализации которого требовалась земля.

Нужны были нетривиальные методы решения вопроса. Посредником в переговорах взялся выступить Боря Глов – на правах старого друга, мэра Северосумска и дольщика «Лиги», пусть даже его 15 % акций давно были переписаны на двоюродного брата жены. Вместе с Гловым Петр Маркович и Роза летом впервые отправились на встречу с главой Михайловской области Пустоваром.

Антон Антонович Пустовар был человеком небогатым: согласно имущественной декларации, в его собственности находилась однокомнатная квартира на окраине города и автомобиль «Лада Приора». Сразу после издания закона об обязательном раскрытии доходов ближайшей родни государственных служащих стремительно обеднела и его жена. Зато у многих дальних родственников дела шли прекрасно: например, любимый племянник Пустовара Вениамин владел несколькими земельными участками в городской черте, четырехэтажным коттеджем, куда по доброте душевной пустил пожить дядю с семьей, тремя автомобилями бизнес-класса, а также пентхаусом в Петербурге и квартирой в Москве. Несомненно, это объяснялось впечатляющими успехами в предпринимательской деятельности: Вениамин был владельцем и генеральным директором ОАО «Севмороблспецтранс», фактического монополиста на рынке логистики. Поэтому неудивительно, что на встрече гостей из Северосумска с губернатором присутствовал и племянник последнего.

Вопрос решился: областная администрация дает разрешение на покупку земли и начало строительства в обмен на 40 % акций ЗАО «Лига», которые должны быть переданы по договору купли-продажи компании Вениамина, и введение его самого в состав совета директоров. Трог поскрипел зубами, но согласился. Он был готов к подобному развитию переговоров и заранее посчитал экономику. Даже на таких условиях прибыль от реализации проекта обещала быть более чем внушительной.

Первые транши по одобренной банком кредитной линии поступили на счет, земля была куплена, доля в бизнесе передана в собственность компании ушедшего Вениамина, и на территорию будущего логистического терминала отправилась строительная техника. Работа велась в три смены, без выходных: крайне важно было успеть подготовить хотя бы основу фундамента до наступления холодов, и все шло отлично, пока однажды ночью ковш экскаватора не наткнулся на каменную кладку в форме неправильного круга.

Вообще, в Михайловской области такие находки случались не так уж редко; в историческом музее областного центра экспонатам каменного века отводился едва ли не целый этаж. Правда, впервые обнаружение древнего капища эпохи неолита произошло в окрестностях Северосумска, и уж точно впервые оно имело такие фатальные последствия.

Если бы Петру Марковичу доложили об этом сразу, как только не в меру осмотрительный бригадир остановил работу строителей, проблем бы не было: он бы просто распорядился без лишних сантиментов срыть к чертовой матери эту ископаемую постройку, а если рядом нашлись бы еще – так и их тоже. Но все произошло ночью, и до утра шефа никто беспокоить не стал, и о том, что вот уже больше семи часов на строительной площадке остановлена работа, Петр Маркович узнал только утром, когда приехал в офис.

Поначалу он не осознал, чем грозит ему это археологическое открытие; просто поехал лично проверить, что такое невероятное нашли на его земле экскаваторщики и бульдозеристы, люди, как известно, в массе своей не отличающиеся широтой кругозора и трепетным отношением к памятникам культуры, но тут почему-то замершие в нерешительности. Даже и сейчас, утром, все могло бы еще пойти по-другому, если бы не одно странное и неприятное обстоятельство. Рядом со стройплощадкой уже толпился народ: два десятка городских сумасшедших из общества «Северная Веда» под предводительством своей патронессы, некой Львовой,

позиционировавшей себя как духовный учитель и выглядевшей как актриса, сбежавшая со съемочной площадки малобюджетного фильма про вампиров. Все они гомонили, будто встревоженный птичий базар, требовали пропустить их к «месту силы» для поклонения и бойко орудовали смартфонами, надо полагать, делая фотографии и извещая весь мир об открытии. Удивительно, но быстро проведенное расследование показало, что Львовой никто из рабочих или сотрудников «Лиги» не звонил, и загадка ее появления на месте событий осталась неразгаданной. Сама Львова высокомерно заявила, что «людям духа открыты многие тайны» и что «она почувствовала мистический зов», который и привел ее к раскопу.

Не успел Трок распорядиться убрать адептов духа подальше от зияющей ямы, как приехали сотрудники областного Комитета по охране памятников истории и культуры, представители исторического музея Михайловска, какие-то бородатые типы и похожие на хиппи девицы, не спросясь, принялись разворачивать на земле полотно ткани и раскладывать инструменты. Петр Маркович почувствовал себя так, как будто вся эта камарилья ворвалась к нему в дом и принялась хозяйничать в спальне. Последним прибыл начальник полиции Северосумска Михальчук в сопровождении нескольких патрульных экипажей. Он поговорил с людьми из комитета и из музея, развел руками и сообщил Троку, что нужно смириться и подождать.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и двух суток, как было объявлено, что находка имеет огромную культурную и историческую ценность, что строители, сами того не зная, сняли покров времени с редчайшего культового сооружения, вокруг которого, несомненно, можно будет обнаружить целое поселение, полное захоронений, предметов материальной культуры и прочих артефактов, а значит, никакой стройки на этой территории быть не может.

Трок потребовал независимую экспертизу. Из Петербурга прилетело несколько человек, выглядящих ненамного лучше, чем их провинциальные коллеги; они спустились в уже опустошенную яму, потоптались немного, откололи пару кусочков от камней на стенах и отправились в Михайловск, изучать извлеченные из-под земли артефакты. Через четыре дня Петр Маркович получил пространное экспертное заключение на тридцати страницах, суть которого сводилась все к тому же печальному выводу: уникальная находка, исторический памятник, строительство невозможно.

Выложенная валунами дыра в земле и несколько глиняных черепков похоронили многомиллиардный проект с какой-то невероятной, чудовищной неотвратимостью.

Предположим, деньги, выплаченные за землю, можно было вернуть по официальным каналам; пусть не скоро, не просто, но все же вернуть. С банком тоже можно было договориться: расторгнуть договор, погасить первый транш возвращенными деньгами, но уже понести потери в виде успевших набежать процентов и штрафов. Терпимы были даже безвозвратные затраты на первоначальную взятку банковскому клерку в счет будущих, более крупных выплат. Но настоящей проблемой стали переданные 40 % «Лиги»: они отошли компании Вениамина по официальному договору купли-продажи за символическую цену в десять тысяч рублей, и никакой связи этой сделки с несостоявшимся проектом строительства проследить было нельзя. Трок понимал, что попал в крайне уязвимое положение. Требовалась встреча с Пустоваром и Вениамином, и она была назначена на сегодня, пятницу 18 сентября. Боря Глотов снова вызвался поучаствовать в качестве группы поддержки, и Трок был ему за это признателен.

Как любой приличный человек в этом городе, Борис Саввич жил на Рогатке, совсем рядом со зданием городской администрации. Когда черный Range Rover Трока въехал в охраняемый двор, мэр уже скромно ждал на крыльце, прячась от мороси под большим кованым козырьком. Он увидел Трока, махнул рукой своему водителю, который стоял рядом с большим темно-зеленым Lexus'ом, и мелким семенящим шагом направился к пассажирской дверце.

– Привет, Петя! Здравствуй, Роза! – бодро поздоровался Борис Саввич, пыхтя и уstraиваясь на сиденье. – Ну что, поехали! Нас ждут великие дела!

Трок кисло улыбнулся и промолчал. Они выехали со двора, следом за ним пристроился внедорожник Глотова. До назначенной встречи оставалось чуть больше часа.

– Ничего, все нормально будет, – приговаривал Борис Саввич. – Главное, что они согласились встретиться, значит, готовы обсуждать. Ты, главное, не горячись, Петя, спокойно с ними поговорим, и все.

– Я постараюсь, – сказал Трок, глядя в окно автомобиля на проносившиеся мимо унылые новостройки Третьего микрорайона.

В Михайловск они въезжать не стали; обогнули город по кольцевой дороге и остановились на южной окраине, рядом с невысоким строением, стилизованным под старинный трактир. «Ресторан «Подворье», гласила неброская вывеска. Рядом со входом были припаркованы два автомобиля: большой джип Mercedes и спортивный BMW. На толстой деревянной двери висела табличка: «Закрыто на мероприятие». С некоторых пор государственные служащие перестали обсуждать щекотливые вопросы у себя в кабинетах, предпочитая проверенные и надежные места, подальше от посторонних глаз. У главы области Пустовара таким местом было «Подворье».

Когда Трок, Роза и Глотов вошли внутрь, их уже ждали. Небольшой зал с бревенчатыми стенами, увешанными хомутами, ухватами и какими-то другими предметами крестьянского быта, названия которых Петр Маркович не знал, был пуст; только за стойкой бармен равнодушно протирает бокалы да скучал в углу официант. Пустовар и его племянник расположились за столиком в самом дальнем углу.

– О, дорогие гости! – прогудел губернатор и приподнялся. – Рад видеть, рад видеть! Как добрались?

Он был большой, седовласый, усатый, в мешковатом костюме, с повадками старого управленца. Вениамин, который тоже встал вслед за дядей, был другой: молодой, лет тридцати с небольшим, полнеющий, с резкими, суетливыми движениями и постоянно бегающими глазами, вслед за которыми иногда подергивалась голова: казалось, что он постоянно находится в состоянии нервного возбуждения или крайнего стресса, уже доведшего его до невроза. Он протянул Троку руку и оскалился в улыбке. В сочетании с мельтешащими туда-сюда зрачками зрелище было то еще.

Все сели. Пустовар махнул рукой официанту, но тот и так уже спешил к их столу.

– Пожалуйста, мне зеленый чай с жасмином, – вежливо попросила Роза и улыбнулась – не столько официанту, конечно, сколько присутствующим.

– Ройбуш, – сказал Трок. – И лимон принесите.

– А мне ничего, наверное, – торопливо произнес Вениамин. – Или нет, принесите воду, простую, без газа. Хотя лучше сок. Да, сок. И воду тоже.

– Ну а я что-нибудь покрепче. – Пустовар благодушно подмигнул собравшимся. – Hennessy принеси мне, грамм сто, а лучше сразу двести. Ты как, Саввич? Присоединишься?

– Ну, если уж губернатор предлагает... – Глотов развел руками. – Мне то же самое, пожалуйста.

«Разумеется, – подумал Трок. – Если машина – то Mercedes, если коньяк – то Hennessy. А вот этот балахон на нем, вероятно, от Hugo Boss».

– Ну, рассказывайте. – Пустовар откинулся на спинку деревянной скамьи. – Что там Северосумск? Стоит?

Первая часть переговоров – ритуальные танцы. Это только деловая мелочь торопится в решении важных вопросов; люди серьезные вначале должны поговорить о разном, и чем существеннее повод для встречи, тем дольше идут эти предварительные разговоры. А еще имеет значение, кто первым не выдержит и заговорит о делах. Естественно, это был Вениамин: последние полчаса он дергался, ерзал, тискал смартфон, смотрел то в окно, то в экран телефона, то в декольте Розы и ни разу не взглянул Троку в глаза.

– Я извиняюсь, но у меня еще одна встреча через час, надо бежать. Мы же хотели что-то обсудить, да, верно?

Разговоры мгновенно смолкли.

– Да, – ответил Трок в наступившей тишине. – Мы хотели обсудить вопрос той доли в «Лиге», которую вы получили.

Вениамин вздернул брови и изобразил искреннее удивление.

– А что с ней не так?

– С ней все не так, – сказал Петр Маркович. – Она не на месте. Если не ошибаюсь, существовала договоренность о передаче сорока процентов акций в обмен на разрешение на строительство?

– Ну да, допустим, – согласился Вениамин.

– Как всем известно, строительство остановлено, и, насколько я понимаю, сделать с этим уже ничего нельзя?

Он перевел взгляд на Пустовара. Тот опустил тяжелые набрякшие веки и сокрушенно покачал головой.

– Увы, Петр Маркович. Дело федерального уровня. Я, если честно, уже и постановление вчера подписал об отзыве разрешения.

Трок сжал зубы.

– Хорошо, – продолжил он после паузы. – Таким образом, нам нужно обсудить порядок возврата переданных акций обратно в «Лигу».

Вениамин замотал головой. В глаза Троку он по-прежнему не смотрел.

– Подожди, подожди, Петя, мы же договорились. Или ты хочешь все отменить?

«Я тебе не Петя, – подумал Трок. – Шкет».

– Все уже отменилось само собой. Нет строительства, нет и доли в «Лиге».

– Нет, все равно не понимаю, давай по порядку. – Вениамин посмотрел на дядю. Тот сидел, прикрыв глаза, и внимательно слушал. – Насколько я помню, мы говорили о том, что разрешение от правительства области будет получено в обмен на сорок процентов акций, да?

Пустовар молча кивнул.

– Ну вот, – продолжал Вениамин, – мы свои обязательства выполнили, разрешение дали, а ты выполнил свои. Что не так?

Петр Маркович дернул правым плечом. Готов быстро посмотрел на него и чуть поднял бровь.

Трок вздохнул.

– По факту никакого строительства уже не будет. Весь проект провалился в эту чертову яму, которая оказалась до хрена ценным историческим памятником. В связи с этим вопрос: за что я отдал долю в бизнесе?

– Ну это же форс-мажор, мы тут при чем? – снова удивился Вениамин. – Ну вот, условно говоря, ты купил у меня, скажем, бутылку коньяка, да? Дал мне денег, я продал тебе коньяк, а по дороге домой ты взял и разбил свою бутылку. И теперь приходишь ко мне и говоришь: я коньяк не выпил, бутылка разбилась, верни мне деньги. Это же неправильно, ведь так? К тому же у нас и договор есть, все официально. Ты же не будешь оспаривать договор?

Петр Маркович молчал, пытаясь выбрать из слов и выражений, крутившихся у него на языке, хотя бы пару цензурных. Безуспешно.

– Друзья, давайте не будем драматизировать ситуацию, – заговорил Пустовар. – Петр Маркович, мы же у тебя ничего не отнимаем. Я понимаю, ты оказался в сложной ситуации, но уже получилось как получилось. У Вениамина, ты знаешь, большой бизнес, связи, он сможет тебе помочь в работе. Забудь ты про эти акции, никто не собирается ничего делить или забирать куда-то. Рассматривай это как партнерство.

Трок посмотрел на губернатора. Готов заметил этот взгляд и быстро сказал:

– Возможно, так действительно будет лучше для всех. Давайте пока остановимся на том, что мы партнеры, поработаем вместе, а там будет видно. Согласны?

Трок молча встал из-за стола. Роза поднялась следом.

– Кстати, отличный костюм у тебя, Петр Маркович, – вдруг сказал Пустовар. – Генри Пул шил?

Петр Маркович замер. Губернатор усмехнулся, седые усы приподнялись над крупными желтоватыми зубами.

– Скромнее надо быть, скромнее, – произнес он и шутливо погрозил пальцем. – За чай не плати, я угощаю.

– Да, Петя, и еще, – подал голос Вениамин, – у меня вся следующая неделя занята, а потом нужно бы встретиться, провести совет директоров, определиться, как будем сотрудничать. Я тебе позвоню, хорошо?

Воздух на улице был промозглым, влажным и липким, как холодный пот. Трок глубоко вдохнул и некоторое время стоял рядом с блестящим от мороси бортом машины, чувствуя, как капли воды шелестят по тонкой шерстяной ткани костюма с Севил-роу.

В Северосумск они возвращались без Глотова: тот сослался на какие-то дела в областном центре. Наверное, ему просто не хотелось делить со старым другом тяжелое молчание на обратном пути, а сказать было нечего.

Дома было пусто и тихо. Тучи на небе сгустились, из серых сделались почти черными. На город опустились тусклые сумерки, как будто усталый день раньше времени решил уйти на покой.

– Ладно, это еще не конец, – сказала наконец Роза, когда они сели в гостиную, каждый в свое кресло рядом с низким стеклянным столиком. – Сорок процентов неприятно, но не критично. Сейчас надо решать вопросы с возвратом денег и банком, а там видно будет.

Петр Маркович хотел сказать, что при известном умении и хорошем административном ресурсе можно отобрать практически любую компанию, имея даже 5 %, но не стал. Роза и так это знала не хуже его.

– Дело не в этом. Дело в том, что есть вещи, с которыми нельзя мириться и которые нельзя прощать. Они воспользовались моментом и благополучно нас поимели, причем находятся при этом в полной уверенности, что им все сойдет с рук. Понимаешь? Так вот, не сойдет.

– Нам нечем играть, Петя, – сказала Роза. – У Пустовара и этого дерганого Бени все короли и валеты в колоде масти старшей, чем наши. Что у нас тут есть? Михальчук? Так у него полицейское начальство сидит в области, его снять могут одним приказом. Боря, конечно, друг и вообще хороший мужик, но тоже подчиняется областному руководству, он же чиновник. Мы даже судиться с ними будем в Михайловске, если что, а это сразу проигрыш.

Трок встал с кресла и подошел к окну. Туманная дымка стала плотнее – уже было не различить ни заводов, ни верфи, ни порта; как будто небытие надвигалось на мир, растворяя его в себе.

– Ну и что ты предлагаешь сделать? Сдаться? Остаться в собственной компании менеджера на зарплате?

– Я попробую через столичных знакомых что-то придумать, но не уверена, что получится. Да и потом, всем же придется платить, если что...

Роза взглянула на мужа: он стоял у окна и смотрел туда, где стылая морось скрывала от глаз опустевшую строительную площадку. Она вздохнула.

– Хочешь, я одна поеду в офис? Останешься дома, передохнешь, с мыслями соберешься. Он посмотрел на часы: половина второго. Разгар последнего рабочего дня недели.

– Поедем вместе. Дел много. Вот только костюм переодену.

Глава 3

Позже никто уже не мог вспомнить, кто из них первым предложил сходить к яме. Каждому казалось, что точно не он. По крайней мере, хотелось так думать. Одно было точно: самым фактом того, что где-то неподалеку находится настоящее древнее святилище, всех заинтересовал Даниил. Просто потому, что ни одному из четырех друзей, кроме него, до этого не было дела. Да и никому в городе тоже: ну, откопали там чего-то, и что? «Культовое сооружение эпохи неолита» – это что, интересно?

На Даниила словосочетание «эпоха неолита» произвело впечатление. Наверное, во всем виновато слишком живое воображение, развитое чтением книг, но он как будто почувствовал сумрачное дыхание растревоженной земли и стылых древних камней, дух чего-то дремучего, дикого, тех немыслимо далеких времен, когда не было еще ни государств, ни письменности, ни истории. Были только люди и боги. Кому-то ведь поклонялись в этом капище.

Даниил решил выяснить кому, а заодно и про неолит почитать.

К сожалению или к счастью, но найти нужную информацию сейчас проще простого, не то что раньше. Отец, старательно прививавший Даниилу любовь к чтению и любознательность, рассказывал, что в его время, если хотел почитать какую-то интересную книгу или узнать, предположим, каким оружием пользовались викинги, приходилось как минимум записаться в библиотеку и ждать, когда подойдет твоя очередь; а если нужной книги не оказывалось в местной библиотеке, которая вообще не отличалась богатством выбора, то приходилось ехать в Михайловск. Теперь все куда легче: открыл страницу поискового сайта, внес в строку нужное слово – и пожалуйста, ровно миллион ответов по запросу «неолит», читай сколько хочешь. Правда, среди знакомых сверстников Даниила не было никого, кто бы пользовался Интернетом, чтобы читать. У всех были там какие-то другие интересы и занятия.

Даниил учился в седьмом классе, разумеется, в «единице», которая заслуженно считалась самой приличной из всех восьми школ Северосумска. Приличной она была потому, что тут не наструт в сменную обувь, как запросто могут сделать в жуткой «восьмерке», что располагалась в Слободке. Здесь, опять же в отличие от «восьмерки», не бросят в рюкзак зажженную петарду. Не вставят в перила на лестнице режущей кромкой вверх половину бритвенного лезвия. Не станут драться стульями на уроках. Не накурятся на перемене в туалете «спайсов» до бессознательного состояния. Не бросят дрожжи в унитаз того же самого туалета. Девочки из «единицы», в отличие от тех, что в «восьмерке», не были замечены в съемках любительского порно на камеру мобильного телефона или в том, что поздними вечерами бегают в строительные вагончики в Заселье, где, по слухам, удовлетворяют за раз сразу нескольких изголодавшихся рабочих с далекого Юга. А мальчики из школы № 1, по крайней мере в своем большинстве, не лупят одиноких прохожих на темных улицах. Учителя в «единице» не приходят пьяными на уроки, а директор не бьет по спине учеников метровой линейкой. А еще дети из школы № 1 ждут выпускного с особенным чувством, потому что отправятся после этого учиться в Михайловск, или в Питер, или даже в Москву, а не останутся в тоскливом Северосумске, чтобы перебраться из школы в местное ПТУ. Кроме того, отец Даниила, Петр Маркович Трок, снабдил все классы в школе такими компьютерами, какие не у каждого есть дома; стараниями же мэра города Бориса Саввича Глотова, три младшие дочки которого тоже учились в «единице», на входе дежурил не пропитой пенсионер, а крепкий молодой человек, похожий на спецназовца из приключенческого фильма. Если Даниил и был благодарен за что-то деньгам и статусу своего отца, так это за учебу в «единице». Он здраво оценивал свои данные и понимал, что в любой другой школе, не говоря уже про «восьмерку», ему, худому, низкорослому, лопоухому, рыжему и к тому же в очках, пришлось бы худо. А здесь у него даже были друзья. Ну как друзья – школьные приятели, наверное, так правильнее. Они не тусовались вместе после уроков, у

каждого были свои интересы и свои товарищи вне школы, но тут отлично ладили и с удовольствием общались друг с другом. Ночной поход к раскопанной яме был первым случаем, когда они куда-то отправились вчетвером.

Сначала попытки заинтересовать друзей рассказами про неолитическую революцию, наскальную живопись и удивительные массовые захоронения успеха не имели. Вообще-то все трое любили слушать Даниила. Он умел интересно пересказывать прочитанные книги, а читал он действительно много и такого, о чем даже не слышали не только его ровесники, но даже и многие взрослые. В прошлом году он, например, к гордости отца и мамы, осилил «Илиаду», а потом пересказывал ее в школе, подставляя на место героев себя и друзей. В его изложении гомеровский эпос освободился от изрядной доли занудства и стал тем, чем был для современников: ураганным боевиком с элементами эротики и мистических ужасов. Рассказы о яростных драках стенка на стенку с острым железом в руках особенно понравились Макс. Он жил в Слободке, учился до шестого класса в «восьмерке» и перешел в «единицу» лишь потому, что его новый отчим, мужчина серьезный и основательный, работавший прорабом, решил, что парень должен хотя бы днем проводить время с нормальными ребятами, а не с гопниками. Макс и год назад был хорошо физически развит, а сейчас мускулы у него на руках походили на кирпичи, а когда он сгибал локоть, то бицепсы надувались под рубашкой впечатляющими буграми. В «Илиаде» от Даниила Трока он был Аяксом. Роме понравились описания смертей и ранений, он даже нарисовал – очень точно и с подробностями, – как *«хрястнула кость, и глаза у Пизандра, выскочив, подле него на кровавую землю упали»*. Получилось круто. Женю Зотова ничего особенно не впечатлило, но он назвал с десятков компьютерных игр, которые, по его словам, сюжетом напоминали «Илиаду».

Рассказы про каменный век такого интереса не вызвали. Даниил и сам понимал, что изложение фактов про орудия, переселения и причины возникновения культов животных-покровителей звучит уныло, как книга, в которой прочитано уже сорок страниц, а еще никого не убили. Передать свое ощущение древней тайны, головокружительного чувства от мысли про многие тысячелетия не получалось. Про дальний космос или глубоководных чудищ рассказы выходили интереснее.

Все решила неолитическая Венера.

Даниил нашел ее изображение вечером и понял – вот оно, то, что нужно. Лично его больше всего поразило, что у женщины отсутствовало лицо: вместо него на голове была как будто натянута странная круглая шапочка с извилистыми линиями, но он знал, что приятели оценят другое. Даниил скачал фотографию себе в телефон и на следующий день, не дотерпев до перемены, послал ее всем троим прямо во время урока МХК. Эффект был быстрым. Женя на задней парте ухнул от восторга и мгновенно прислал ответное сообщение:

«СИСЬКИ!!!»

От Макса в ответ пришло:

«У Машки на Слободке такие дойки! Зачет!»

Рома, увидевший картинку последним, не выдержал и хохотнул в голос.

– Лапкович! – прикрикнула учительница. – Что такого смешного?

– Извините, Елена Сергеевна, – отозвался Рома. – Это по теме.

Преподавательница МХК была его мамой, но в классе называла сына по фамилии, чтобы не выделять среди других. Даниил считал, что Роме тоже повезло с тем, что мама работает в «единице» и он может учиться именно здесь: в «восьмерке» с такой фамилией трудно было бы продержаться и неделю. Даже в «единице» не обходилось без шуток, а год назад кто-то из особо одаренных юмористов насыпал ему в дневник жестких коротких волос; учитывая отсутствие на тот момент собственной растительности такого рода, оставалось только догадываться, откуда их собрали. Скоро, правда, они стали дружить с Максом, и шутки закончились, а когда

учителя называли фамилию Ромы, в классе царило молчание: ни реплик про мандавошек, ни «он только побреется и придет».

– У нас сейчас своя тема, – с усталой строгостью сказала Елена Сергеевна. – Убери телефон!

На следующей перемене тема неолита обсуждалась куда живее, чем раньше.

– Это Венера каменного века, – объяснял Даниил. – Самое интересное, что такие изображения были найдены в самых разных местах мира, от Азии до Севера Европы...

– А почему у нее сиськи такие?

– И жопа?

– И башка странная?

– Предполагается, что подобные формы означают плодородие... ну и способность к деторождению. Это как бы Мать. Символ, в общем. А почему лица нет, я не выяснил еще.

– А у нас в яме не нашли ничего такого? – спросил Рома.

– Я не знаю, – честно признался Даниил. – Может, и нашли.

– А если они не все откопали, что там было? И вот такая вот... Венера где-нибудь еще зарыта? – предположил Женя.

– Это вряд ли, – усомнился Даниил. – Хотя...

Нет, потом никто так и не вспомнил, кто же все-таки первым предложил пойти посмотреть раскоп. Но мысль о том, что где-то там может лежать, присыпанная мокрым песком, тяжелая округлая статуя женщины с неправдоподобно огромными грудями и бедрами, странным образом их зацепила. Никто всерьез не надеялся ничего найти, да и пресловутые сиськи тут были ни при чем: что они, сисек в Интернете не видели? Но вот засело же в голове...

Утром в пятницу все четверо уже относились к вылазке на раскоп как к делу решенному. Оставалось обсудить план.

– Идти надо, когда стемнеет, – сказал Макс. – У ворот ментовская охрана сидит, днем точно заметят.

– А фонарей там нет разве? – спросил Рома.

Макс покачал головой.

– Два прожектора, один светит на яму, другой в сторону ворот. Мне отчим рассказывал. Это же его бригада нашла эту... как его...

– Капище, – подсказал Даниил.

– Ну да, херню эту. Они же и забор ставили, железный. Там есть щели у самой земли, если со стороны леса зайти, можно попробовать пролезть. А сама яма накрыта пленкой – когда заберемся внутрь, никто уже не увидит.

– Если что, с нами Петрович будет, не страшно. Скажет, кто его отец, – нас отпустят.

Даниил с сомнением покачал головой. Их, может, и отпустят, но с отцом потом будет разговор, и не из приятных. К тому же он пока не представлял себе, как объяснит родителям такую позднюю прогулку.

– Во сколько пойдем? – уточнил он.

– Часов в десять вечера, чтобы наверняка. Ты сможешь?

– Да, постараюсь. В смысле, смогу.

Не отказываться же, в самом деле: всю неделю рассказывал про неолит, показал Венеру, а теперь останется дома. Как будто струсил.

– Ну все, значит, договорились. В десять встречаемся у Макса, от него ближе всего добираться, – подытожил Рома.

На том и порешили.

Приятелям Даниила было легко вот так взять и собратся куда-то идти на ночь глядя. Макс с детства болтался по Слободке до позднего вечера, мать его никогда не ограничивала и не интересовалась особо, где он и чем занят: гуляет с ребятами, и ладно. Строгий отчим был

доволен, что парень не пьет, не курит, занимается спортом – ходит в секцию карате в Доме творчества юных «Синева» – и к отсутствию сына до полуночи, а то и позже относился лояльно. Дело молодое, сами такими были. У Жени тоже проблем с тем, чтобы отпроситься из дома, не возникало. Он жил в Городке, с матерью и старшей сестрой. Отец его был морским офицером, служил старпомом на СРЗК² и дома появлялся нечасто: раз в три месяца, а то и еще реже. Военных в Городке стало уже гораздо меньше, чем раньше, даже местная школа, «пятерка», закрылась лет десять назад, поэтому все товарищи Жени по компьютерным играм жили в других районах, преимущественно на Тройке. Иногда они собирались там целой командой, у кого-нибудь дома или в клубе, и мама Жени привыкла, что сын приходит домой поздно. Зато ничем плохим не занимается. А Рома... у него была своя ситуация. И ситуация эта предполагала, что он может уходить и приходить домой, когда сочтет нужным. Главное, чтобы предупредил: мама, сегодня буду поздно. В двенадцать, например. Ну, или еще позже. Хорошо, сынок, осторожнее только. И когда придешь, открывай дверь потише, дедушку не разбуди. О последнем можно было и не предупреждать: Рома разбудил дедушку только однажды, уронил ночью на кухне кружку с чаем, и после этого неделю ходил с большим багровым пятном на скуле. Рука у дедушки была жесткая и тяжелая.

У Даниила же существовал строгий распорядок жизни, нарушения которого если и допускались, то только в виде исключения. Подъем в семь; возвращение из школы до половины четвертого, в зависимости от количества уроков. С четырех до семи – самостоятельная подготовка. В семь – ужин, потом занятия спортом или свободное время. Если нет спортивных занятий, то в девять вечера – общение с родителями: рассказ о достижениях, планах, интересных событиях. Иногда отец по привычке называл их вечерние разговоры рабочими встречами. Потом обычно следовала игра в шахматы, причем сына Петр Маркович не щадил, поддаваться и не думал, играл в полную силу, даже очевидных «зевков» не прощал, так что из десяти игр Даниилу в лучшем случае удавалось одержать победу в одной да еще пару свести вничью, и то если отец отвлекался на что-то. В одиннадцать – отбой. Петр Маркович и сам подчинял свою жизнь железной дисциплине, и сына приучал к тому же. Даниил не понимал, почему его отец, который, по идее, мог бы ходить на работу когда вздумается, ежедневно отправляется в офис к десяти утра, а возвращается не раньше восьми вечера. Какой прок тогда в том, что ты хозяин компании? И сам Даниил, и все его сверстники полагали, что главная ценность и смысл своего дела заключается именно в том, что можно особенно не напрягаться: придумал идею, набрал себе людей, и все – занимайся чем хочешь, живи в свое удовольствие. А тут какая-то каторга. Не ограничиваясь одним лишь распорядком дня, Петр Маркович уделял внимание и гармоничному развитию сына, хотя тут налицо имелся пока явный перекося: если с чтением и кругозором все было в порядке, то вот со спортом как-то не ладилось. Сам Трок в юности увлекался футболом, потом занимался боксом, а сейчас, за отсутствием времени, регулярно тренировался в небольшом спортзале, который оборудовал прямо в квартире. Для сына он выбрал плавание: полезно, не травматично, отлично развивает мускулатуру. Даниил занятия в бассейне ненавидел, запах хлорки вызывал отвращение, вода казалась очень холодной, а еще постоянно попадала в нос, так что потом отвратительно щипало гортань. Тем не менее два раза в неделю, по вторникам и субботам, приходилось ездить на тренировки. Не отвертись.

Как отнесется отец к просьбе отпустить его куда-то с друзьями до позднего вечера, и гадать не приходилось. Требовался веский повод. Шестым уроком в ту пятницу была история, и к моменту, когда прозвенел звонок, план созрел. Даниил дождался, пока все уйдут, и подошел к преподавателю:

– Аркадий Леонидович, можно с вами поговорить?

---

² СРЗК – средний разведывательный корабль.

Новый историк Даниилу нравился. Да и остальным, в общем-то, тоже: не зануда, не истерик, рассказывает понятно, даже интересно. Внешность такая, что ни шутить, ни спорить с ним не хотелось: выше среднего роста, крепкий, широкоплечий и с бритым наголо черепом – но главным образом уважение вызвала спокойная сила, с которой он себя вел. Девчонки в классе сначала принялись хихикать, стрелять глазами и выпячивать грудь – ну, у кого уже было что выпячивать, – но историк на девочек подчеркнуто не обращал внимания, а от хорошенькой кореянки Вики даже шарахнулся, когда увидел ее в первый раз. Такая странная реакция могла бы вызвать не очень хорошие подозрения, но скоро все узнали, что новый учитель то ли женат, то ли просто живет с какой-то женщиной, неважно – главное, что не педик. Девочки строить глазки перестали, снова переключившись на несчастного школьного охранника, который только с тоской отводил взгляд, когда его дразнили созревшие старшеклассницы. В общем и целом в отношении историка все сходилось на довольно высокой для учителя оценке «нормальный» и даже дали прозвище «Вин Дизель», что свидетельствовало об уважении. Могли бы и Шреком назвать. А то и Колобком.

Аркадий Леонидович повернулся к Даниилу на скрипнувшем кресле.

– Да, слушаю вас.

Еще одна особенность нового историка: он ко всем обращался на «вы». Наверное, привычка осталась с университета. Это было необычно, но приятно.

– По поводу олимпиады... я еще могу записаться?

На прошлой неделе Аркадий Леонидович сообщил, что в конце октября по инициативе городского комитета по образованию в Северосумске состоится большая межшкольная историческая олимпиада. Победителям обещали ценные призы и поездку на три дня в Михайловск для участия в областных соревнованиях. Никто особого смысла в таких олимпиадах не видел, но из их класса для участия в состязании по истории записались четыре девочки: одна из дочек мэра, Жанна, две подружки-отличницы Светка Быстрова и Надя Бородина, а еще та самая Вика, чем немало смутила Аркадия Леонидовича. Наверняка и из других классов участвовать будут одни девчонки.

– Да, еще можете, Даниил, – ответил Аркадий Леонидович. – Мы начнем подготовку с понедельника, будем собираться после уроков. И нужно определиться с рефератом. Вас какая тема интересует?

Готового ответа на этот вопрос у Даниила не было, и он сказал первое, что пришло в голову:

– Каменный век. Точнее, эпоха неолита.

Историк приподнял брови.

– Вот как? Очень интересный выбор. Ну что ж, добро пожаловать в команду. Рад, что к нам присоединится мужчина, разбавите этот женский батальон.

И улыбнулся.

Даниил почувствовал, что краснеет от удовольствия. Мужчина, так-то. Он даже пожалел, что пришлось наврать о своем намерении участвовать в олимпиаде. Но других вариантов в голову не приходило. Шахматы научили Даниила продумывать возможные ходы и варианты развития событий, и Аркадий Леонидович должен был подтвердить его участие в школьной команде, если бы отец вздумал это проверить.

Вечером, ровно в девять, он спустился из своей комнаты в гостиную. Нужно было поторопиться с решением вопроса, а отец имел обыкновение разговаривать долго, подробно и вдумчиво. Впрочем, сегодня и папа, и мама были чем-то расстроены и явно думали о своем. Во всяком случае, Даниил ожидал более жесткой реакции, когда попросил отпустить его сегодня из дома до позднего вечера к друзьям, чтобы вместе готовиться к олимпиаде по истории.

– Вот как, – задумчиво сказал Петр Маркович. – И во сколько ты намерен вернуться?

– До двенадцати, – ответил Даниил.

Когда-то он слышал, как отец говорит: «Всегда проси больше, чтобы получить необходимое». Реально Даниил собирался вернуться до половины двенадцатого.

– Исключено, – отрезал Петр Маркович. – Максимум до одиннадцати. Не забывай про распорядок дня.

Даниил собрался приступить к торгам, но тут неожиданно вмешалась мама.

– Петя, да пусть съездит, позанимается с ребятами, – предложила она. – Он и так постоянно дома сидит. Вы у кого собираетесь? Кто там еще будет?

– Собираемся у Макса Кораблева, еще будут Рома Лапкович и Женя Зотов. Я про них рассказывал... кажется.

– Да... наверное, – сказала мама. – Хорошие ребята, по-моему.

Даниил не стал спорить с этим утверждением.

Петр Маркович прикрыл глаза, устало потер переносицу и произнес:

– Ладно. Но имей в виду, что ты забираешь у себя час ночного отдыха. Завтра – рабочий... в смысле, учебный день, а кроме того, занятия в бассейне. Ты должен понимать, что усталость может сказаться на твоей эффективности.

Даниил заверил, что вопрос личной эффективности у него под контролем.

– Ну что ж, договорились. Я сейчас позвоню Андрею, он тебя отвезет, а потом заберет ровно в двадцать три сорок пять.

В тесной трехкомнатной квартире у Макса было жарко, густо пахло едой и отчимом, дядей Вадимом, который смотрел телевизор в проходной комнате. Даниил поздоровался, скользнул равнодушным взглядом по экрану, где встревоженные люди рассказывали что-то про бомбежки и артиллерийские обстрелы, и прошел в комнату к Максиму – тесную, как стенной шкаф, и оклеенную плакатами с Джетом Ли, Стэтхемом и Вином Дизелем. Последний, как показалось Даниилу, посмотрел на него укоризненно.

– Наконец-то! – воскликнул Рома. – Мы уже думали, ты соскочил.

– Смотри, что есть, – сказал Женя и показал фонарь, похожий на старинную керосиновую лампу. – Крутая штука, работает от батареек, аккумулятора, солнечных батарей, а еще можно вот эту ручку механическую повернуть, и тоже свет будет. Отцовская, взял на всякий случай.

К счастью, водитель Андрей не стал ждать у подъезда, а куда-то уехал. Через пять минут после этого четверо мальчишек вышли в холодную черную ночь.

– Пока по Слободке идем, рядом держитесь, – небрежно сказал Макс, поднял воротник куртки, пониже надвинул козырек кепки и пошел вперед. Мог бы не предупреждать: никто и так не собирался от него отставать. У Даниила даже мелькнула мысль, что можно было бы как-то договориться с Андреем, чтобы он отвез их вчетвером к стройплощадке, хотя бы это и разрушило всю конспирацию. Он сам никогда не был в Слободке, да и Рома с Женей сюда уж точно не заходили поздним вечером, и сейчас оглядывался по сторонам, будто добропорядочный моряк-пуританин, впервые очутившийся на Тортуге. Ничего особенно страшного не было в здешних улицах с разбитым асфальтом и глубокими лужами, в низких домах, угрюмо светящих в ночи темно-желтыми окнами, в редких кривых деревьях вдоль тротуаров и в темных дворах, где угадывались очертания покосившихся железных качелей на детских площадках, но все равно казалось, что идешь по городу, захваченному зомби или кем пострашнее. Даниил плотнее прижимал к себе сумку с планшетом. Макс, разумеется, возможности добавить жути не упустил:

– Вон там месяц назад пацана изуродовали, рот порвали и в жопу кусок арматуры засунули; вот тут один наркоман жил, его мать зарезала; а вот в этом доме на третьем этаже Машка живет, которая с сиськами, ей восемнадцать уже, я с ней мучил в прошлом году, пока к ней парень из армии не вернулся...

Даже если делить все это на два, звучало впечатляюще. Даниил бы усомнился в том, что семнадцатилетняя девица что-то там мутила с малолетним пацаном, но сейчас спорить не хотелось. Это Слободка, так-то, брат.

– На Зону из Dead Horror похоже, – пробормотал Женя, – жаль, у меня огнемета нет или лазерной пушки, не помешало бы.

Когда они миновали Слободку, все вздохнули с облегчением, кажется, даже Макс. Вышли на проспект и сели в маршрутку, чтобы доехать до старого порта, западной окраины города. Даниил ощущал себя отважным авантюристом, отчаянным смельчаком, путившимся навстречу приключениям, а когда думал о том, что будет, если отец вдруг решит позвонить родителям Макса или, например, попросит Андрея подняться в квартиру и проверить, чем там занят сын, то по коже бежали мурашки и внутри все сводило от ужаса и восторга.

Город закончился; позади них были полуразваленные ангары и железные павильоны станции Сортировочная, от которой куда-то в леса уходила узкоколейка. Налево через виадук убегало шоссе, а справа и дальше, за давно опустевшим поселком, ярко светили по тьме синие-белые прожектора на строительной площадке. Из холодного влажного мрака доносились дальние гудки тепловозов, будто механическая нежить тоскливо выла в ночи, и протяжно вздыхало рядом с близким краем земли море: вечно беспокойная тьма за границами мира.

– Нам туда, – показал Макс рукой в сторону прожекторов.

Женя включил лампу, и очень кстати: дороги в обход не было, только неровные осыпи из каких-то обломков, песка, торчащих железок, среди которых с трудом удалось отыскать тропу, ведущую на невысокий холм, наполовину поросший лесом. Древние сосны покачивались от ветра, а иногда под внезапным, особенно сильным порывом начинали шуметь, тревожа непроницаемый мрак у корней.

Они поднялись выше. Теперь освещенная прожекторами и огороженная забором площадка была прямо перед глазами, как залитая неестественным светом софитов пустая театральная сцена. Тяжелый бульдозер отбрасывал резкую тень, а ярко-синий пластик над ямой словно сиял изнутри. Это было похоже на зону высадки инопланетных существ, раскинувших свою базу над древним капищем.

– Как в Invasion, – прокомментировал Женя. – В самом начале, когда хварганы прилетают на Землю.

Макс оказался прав: железные листы забора неплотно примыкали к песку, да это было и невозможно – кругом зияли рытвины и промоины. Оставалось найти лаз; трудность заключалась лишь в том, чтобы забраться за забор поближе к раскопу и так, чтобы бульдозер заслонял их от сторожевой будки.

– А если охрана пойдет с обходом, что тогда? – спросил Даниил.

– Тогда начинай громко звать папу, – сквозь зубы ответил Рома, развернул бейсболку козырьком назад и обеими руками принялся выгребать из-под забора тяжелый, мокрый песок. – Помоги лучше.

– Не ссы, Петрович, – добродушно сказал Макс. – Убежим.

– Да я и не ссу, – обиженно ответил Даниил. – Вот еще.

В щель под забором первый полез именно он, как самый тощий. Лег на спину и, извиваясь и отталкиваясь ногами, пополз вперед, стараясь не зацепиться пуговицами за кромку железа и думая, удастся ли очистить куртку и шапку от песка и грязи. Выбрался на другую сторону, перевернулся на живот, огляделся. Синий купол над ямой яркой заплаткой светился метрах в двадцати прямо перед ним. Вокруг никого не было.

– Чисто, пацаны, – прошептал он в темную щель. – Можно лезть.

Следом прополз Рома, за ним протиснулся Макс. Чтобы пролез Женя, пришлось еще повозиться: он был самый толстый из них, так что несколько минут все четверо, шепотом матюгаясь, дружно скребли ладонями песок с двух сторон, а потом, когда в ставшем похожим

на вход в нору лазе появилась отдувающаяся прыщавая физиономия с перепачканными песком черными сальными волосами, еще и тащили приятеля за руки.

– Ну что, поползем? – показал в сторону ямы Рома.

Даниил покачал головой:

– Нет, лучше бегом и пригнувшись. Ползти будем дольше, а значит, больше шансов, что нас заметят. Это по теории вероятностей...

– Понятно. Тогда на счет «три».

Со стороны леса один край синей пленки, закрывавшей раскоп, был приподнят на распорках на высоту в половину человеческого роста; от выложенного камнями края уходила в темную глубину грубо сколоченная деревянная лестница. Мальчишки один за одним скатились вниз, толкаясь и падая, потом встали и выпрямились в полный рост. Женя снова зажег свою лампу.

– Круто, – выдохнул он.

Да, оно того стоило. Освещенная неживым, призрачным светом лампы, яма казалась огромной, как сказочная пещера. Могучие булыжники нависали из стен, словно хотели сомкнуться в тяжелые своды, густые тени черными змеями лежали у каменных оснований, а над головой, где-то в невероятной дали, тускло мерцал темно-синий таинственный свод. Они будто оказались в другом мире, как те герои сказок и мифов, что через колодцы и норы в земле попадали к заложным покойникам или подводным владыкам. Тут даже воздух был иной: очень густой, плотный, пропитанный сыростью, запахом старого мха, мертвых водорослей и морской соли. Пар от дыхания причудливо извивался, поднимаясь вверх и растворяясь во тьме. Про поиск неолитической Венеры все четверо тут же забыли: замерли, прижавшись друг у другу спинами, и глазели по сторонам, осматривая свои новые владения.

– Что, этому правда шесть тысяч лет? – шепотом спросил Рома.

– Может, и больше, – ответил Даниил. – Это древнее капище, ну, место, где молились богам. Только раньше оно стояло наверху, а потом ушло под землю.

Он тоже шептал, как если бы боялся кого-то побеспокоить, кого-то, кто был тут до них, а теперь скрылся на время, потревоженный светом.

– Смотрите! – шепнул Макс и показал куда-то между стенами и плотным песчаным полом.

Внизу из каменной кладки выдавался вперед большой плоский камень с выемкой посередине.

– Тут, наверное, кто-то сидел, – заметил Рома. – На стул похоже.

– Ага, на стульчак, – фыркнул Женя. – Доисторический толчок.

Макс попытался сдержаться, не смог и громко хрюкнул от смеха. Следом захохотал Рома. Довольный удачной шуткой Женя скалил неровные крупные зубы. Молчаливая тьма, усмехнувшись, отступила, втянувшись в щели меж валунов.

– Тут еще один такой же! И еще!

Четыре камня выдавались из стен попарно, один напротив другого.

– Петрович, что это такое, знаешь?

Даниил пожал плечами.

– Наверное, тут и правда сидели во время обрядов. Может быть, шаман и какие-то важные люди из племени, вождь, ну и еще кто-то.

– Это контур силы! – закричал Женя. – Как в «Героях и магах», если его замкнуть, то получится защитное поле!

Он поставил лампу на пол посередине и с размаху уселся на камень рядом с лестницей.

– Это мой!

– А я здесь!

Через минуту все сидели и таращились друг на друга. Освещенные голубоватым светом лица в полумраке были похожи на маски.

– А дальше что? – спросил Рома.

Женя пожал плечами:

– Откуда я знаю, это же не игра.

– Пацаны, тут еще что-то есть!

Между камнями, на которые сели Рома и Даниил, на уровне глаз выступал из стены плоский камень, образуя узкую полку.

– Наверное, для идолов, – догадался Даниил.

Он наморщил лоб, что-то прикинул в уме и сказал:

– Получается, что тут молились, обращаясь на север.

– В церквях же алтарь на востоке, разве нет?

Даниил снял очки, протер пальцами и снова водрузил себе на нос.

– Нет, здесь другая культура. Наверное, дело не в севере, а в том, что с той стороны море. Тут жило племя рыболовов, вот они и молились в сторону моря. Оно их кормило.

– Что, просто морю?

– Ну, какому-то божеству, связанному с морем. Женскому, скорее всего.

– Так этой, как ее... сисястой Мамочке и молились! – с торжеством провозгласил Женя.

Все снова засмеялись.

– А вот и она сама, кстати.

Даниил достал планшет, включил его, открыл фотографию неолитической Венеры и осторожно поставил планшет на каменную полку. Экран тускло светился, как портал в иной мир, а посередине его в сероватом свечении парило изображение древнего идола. Зрелище было жутковатым, будто увидел в зеркале позади себя то, чего там быть не должно. Снова стало тихо. Экран притягивал взгляд и гипнотизировал.

– А как ей молились? – тихо спросил Рома.

Даниил хотел ответить, что этого никто на самом деле не знает. Все, что написано о неолитических культах, – это только догадки, основанные на предметах материальной культуры. Пытаться понять по ним, во что и как верили тогда люди, – это все равно что пытаться, например, по окуркам составить психологический портрет человека. Но если ученые строят гипотезы, почему бы и ему не предположить?..

– Сначала шаман входил в транс, – начал он. – Иногда самостоятельно, иногда вдыхая дым или употребляя настойки из трав и грибов...

– У нас на Слободке этих шаманов – каждый первый, – заметил Макс, – от «миксов» в такой транс входят, что только держись.

Но сейчас слушать про Слободку было неинтересно.

– Еще часто использовали бубен или барабан, – медленно продолжал Даниил, – потому что звуки на определенных частотах и ритм входят в унисон с вибрациями и ритмом самого мироздания...

Он не знал, откуда ему сейчас приходили в голову такие мысли: чистая фантазия, импровизация на тему, которая увлекла его самого.

– Вот такой ритм? – Женя, раздувая толстые щеки, принялся издавать звуки, похожие на сердцебиение огромной лягушки – навык, неоднократно использовавшийся на скучных уроках. Макс подстроился в ритм и начал постукивать себя по ляжкам.

– Потом приступали к самой молитве. – Даниил не сводил глаз со светящегося экрана планшета. – Начинать следовало с прославления. Например, «Слава тебе, о великая Мать!».

– Дай нам тебя за жопу обнять! – мгновенно продолжил Женя.

На этот раз в голос захохотали все, даже Даниил. Он, правда, на мгновение испугался и соскочил глаза на планшет: «А вдруг обидится?»

– Круто, Жека! Вот ты моришь!
– Отлично получается, давайте продолжать! – воскликнул Рома и заунывно пропел: – Слава тебе, о великая Мать! Дай нам тебя за жопу обнять!
– К сиськам твоим дружно мы припадем, – добавил Женя.
– Желаний любых исполнения ждем! – закончил Даниил.

Получилось действительно складно. Надо было закрепить: Женя снова принялся ухаживать, как объятая похотью исполинская жаба, Макс барабанил по бедрам, а Рома с Даниилом выводили, завывая:

Слава тебе, о великая Мать!
Дай нам тебя за жопу обнять!
К сиськам твоим дружно мы припадем,
Желаний любых исполнения ждем!

Даниилу было, конечно, весело, но он ни на секунду не забывал об охране наверху, которая запросто могла услышать гомон этого диковатого подземного балагана, а еще о том, что время идет, а ему позарез необходимо вернуться к дому Макса до без четверти двенадцать. Нужно было как-то это прекращать.

– Ну все, все! – громко сказал он, перекрикивая хохот и пение. – Можно уже желания загадывать!

Все замолчали, тяжело дыша и глядя на Даниила.

– Какие желания?

– Любые, какая разница, – он махнул рукой и чуть не добавил: «Главное, побыстрее».

Друзья задумались. Даниил посмотрел на экран: в правом верхнем углу различались цифры «23.20».

– Ну вот, например, – с досадой начал он, – я не хочу завтра идти в бассейн.

Даниил простер руки к парящей в черной пустоте Венере и заголосил:

– Мамочка! Сделай так, чтобы я не ходил больше в бассейн! Понятно?

Рома кивнул, тоже протянул руки к планшету и сказал:

– Мамочка, отмени контрольную по математике в понедельник! Иначе мне жопа!

Женя подумал секунду-другую, пожал плечами и произнес:

– Мамочка, сделай так, чтобы я набил больше всех HP на штурме Замка Дракона в Warriors World.

– Чего? Такое вообще можно загадывать? – Рома посмотрел на Даниила.

Тот махнул рукой.

– Можно. Она богиня, поймет. Макс, твоя очередь, ты последний остался.

Макс наморщился и задумался. Никаких особых желаний в голову не приходило. Даниил подпрыгивал на камне замерзшим и онемевшим тощим задом.

– Макс, давай резче, а?

Тот набычился и изрек:

– Хочу завалить Комбата в спарринге!

Это было немногим понятнее, чем про HP и Замок Дракона, но для завершения игры годилось.

– Итак, именем великой Мамочки все да исполнится!

Даниил быстро снял с полки планшет, выключил его и виновато посмотрел на приятелей:

– Парни, если честно, то мне реально домой пора. Двинем обратно, ладно?

Они все-таки опоздали, хотя через Слободку неслись бегом так, как будто за ними погнались разом все ее кошмарные обитатели. Когда задыхающийся, перепачканный, раскраснев-

шийся Даниил прыгнул на заднее сиденье Range Rover, часы на приборной доске показывали 23.55. Андрей посмотрел в зеркало на сына шефа, ничего не спросил и сказал только:

– Не волнуйтесь, Даниил Петрович, за пять минут долетим.

Куртку Даниил кое-как успел почистить, но руки выглядели так, словно он лично раскопал ими могильник каменного века. Дверь, сонно щурясь и кутаясь в черный халат, открыла мама.

– Папа спит уже, – шепотом сообщила она, посмотрела на вымазанные в грязи ладони сына, черные пальцы с траурной каемкой вокруг ногтей и ахнула: – Сынок, где это ты так?!

Даниил начал было сочинять на ходу, что споткнулся на пороге у дома Макса, но мама только махнула устало рукой и отправила его умываться.

Спал Даниил в эту ночь крепко и без сновидений. Уже под утро, в мертвый час между тьмой и рассветом, пошел дождь. Резко усилившийся ветер зло швырял в потолочные окна мансарды крупные капли воды. Море заволновалось, раздраженно забило о берег белыми пенными гребнями на черных волнах; мертвые корабли у причалов ожили, зашевелились, со скрежетом стали тереться облезшими ржавыми бортами. По городу пронеслись сквозняки и тревожные сны. А за пределами горизонта в глубине темных вод что-то вздрогнуло несколько раз, будто ударили в большой барабан, отозвавшийся вязким и низким звуком.

Глава 4

Рабочие дни Карина любила. Ей вообще очень нравилась работа, и не только потому, что когда-то она сама выбрала профессию медсестры. На работе можно было не думать, освободиться от навязчивых мыслей, занимаясь лишь тем, что действительно важно, – своим делом. Это всегда срабатывало: и когда она стремилась убежать от воспоминаний о нескольких кошмарных годах в детском доме; и когда приходилось глушить в себе изматывающую, тоскливую жажду мести, не находящую выхода и каждую ночь клубившуюся черными снами; а когда она получила возможность свершить отмщение, ядовитыми каплями отмеряя страх и страдание уже забывшему ее обидчику, работа помогала не думать о том, на что пришлось пойти ради этой мести. Сейчас работа в психоневрологическом интернате избавляла от других мыслей: о ее нынешнем положении, о будущем, а главное – об Аркадии Леонидовиче, которого она даже в мыслях называла «А. Л.» просто потому, что не могла понять, кто он ей. Муж? Друг? От определения зависело столь многое, что проще было не думать, не беспокоиться, а вместо этого сосредоточиться на назначениях и хозяйственных нуждах. Да, при мыслях о своем странном спутнике Карина чувствовала нежное, волнительное тепло, но в этом присутствовала и тревога. И если сложно было самой определиться с ответом на вопрос: «Кто он для нее?», то уж вопрос: «Кто для него она?», и вовсе мог разрушить хрупкое душевное равновесие и непривычное для Карины ощущение покоя. В своей жизни она была сиротой при живой матери, жертвой малолетних насильников, мстительницей, убийцей, колдуньей, ведьмой, преступницей, но никогда не была той, кого любят, оберегают и ценят. Да, была еще и Валерия, но она погибла в огне, охватившем подвалы Виллы Боргезе, да и воспоминания о ее тепле и заботе связаны с такими эпизодами, о которых лучше забыть.

Как тут не любить работу.

Городской психоневрологический интернат – а проще, дом престарелых для тех, кто или остался один, или чьи близкие не захотели ухаживать за выживающими из ума стариками, – располагался в длинном деревянном двухэтажном здании, построенном еще в конце позапрошлого века на западной окраине Слободки. Кажется, это был дом кого-то из первых рыборотковцев, обосновавшихся в поселке Кривая Губа. От поселка остался только десяток просевших, черных, рассыпающихся от гнили и ветра домов, а вот особняк еще скрипел и охал в ожидании неизбежного конца – совсем как его обитатели.

Карина, пригибаясь от сильного ветра, вцепившись в зонт одной рукой, а другой придерживая на голове платок, поднялась по широкой пологой лестнице вычурного деревянного крыльца с колоннами и античным фронтоном, на котором чернела надпись, следы давно отвалившихся букв: «*AMOR VINCIT MORTEM*». Любовь побеждает смерть. Еще увидев эту надпись впервые, Карина подумала, что из этих слов непонятно, кто кого побеждает. Возможно, этого точно не знал и тот, кто сделал надпись. По обе стороны от высоких двойных дверей ярко светили два круглых электрических плафона, как бельма, таращащиеся в дождливую темноту. Мокрые ступени чуть прогнулись под низкими каблуками черных туфель, с протяжной натугой открылась створка высокой двери, и Карина вошла внутрь.

Здесь пахло больницей и старостью сильнее, чем в обычных заведениях такого рода: ведь дерево лучше впитывает запахи, а еще – нелегкие мысли, одиночество и тоску. Карина растегнула плащ, стряхнула зонт, с которого, как с большого кропила, сорвались на истоптанный пол капли небесной влаги, и посмотрелась в зеркало. Поправила черный локон, выпавший из строго стянутых в хвост на затылке волос,правила бежевую блузку и поднялась на второй этаж.

Интернат был рассчитан на сто человек, но сейчас в нем жили – а точнее, уже доживали – только четыре десятка стариков в различной степени умственного расстройства, так что

в комнатах, рассчитанных на четверых, размещалось по двое больных, а некоторые, кому еще позволяло здоровье, и вовсе жили отдельно. Медсестер было семь: четыре на первом этаже, где располагались тяжелые больные, уже полностью утратившие связь с этим миром, и три – на втором. Еще было два санитаря, один из которых немногим отличался по уровню интеллекта от обитателей интерната, одна пожилая санитарка тетя Люся и четыре врача: персонал дома живых мертвецов, смотрители склепа для заживо погребенных, духи Чистилища, где еще томящиеся в смертных телах души ожидали повестки в рай или ад.

Карина переделась, приняла смену, пробежала глазами журнал назначений и бросила взгляд на часы: 19.45. Она всегда предпочитала приходить на работу чуть раньше.

– Здравствуйте, Карина Максимовна! – поприветствовала ее тетя Люся, вперевалку ковыляющая по узкому коридору со шваброй и мятым ведром, источавшим едкую, кислую вонь.

– Добрый вечер, тетя Люся! – улыбнулась Карина и, как и всегда, удивилась тому, как это у нее здорово получается – улыбаться. – Как у нас сегодня, все ли в порядке?

– Вот, Тамару Николаевну из шестой комнаты стошнило, – тетя Люся качнула ведром. – А про вас Леокадия Адольфовна спрашивала, когда, мол, Карина придет, когда придет. Прямо любит она вас.

– Спасибо, обязательно к ней зайду, – снова улыбнулась Карина.

Тетя Люся тоже скривилась в улыбке, покачала пегой головой – волосы у нее были частью еще темные, частью седые и носили следы попыток окрасить их хной – и неспеша пошла дальше; под тяжелыми косолапыми ступнями жалобно скрипели половицы, позвякивало ведро. Карина еще раз посмотрела на часы: что ж, можно и зайти к Леокадии Адольфовне. Карина ее тоже любила.

Леокадия Адольфовна Успенская была из редких благообразных старушек, которые до конца своих дней носят туфли на каблучке, пользуются макияжем и следят за внешним видом с той тщательностью, которой можно было бы поучиться многим из тех, кто годился им во внуки: юбка, блузка с бантом, розовый шейный платочек, кофточка или даже старомодный пиджак. Она вполне справлялась с делами личной гигиены и каждое утро спускалась на первый этаж, в душевую, где минут двадцать стояла под струями ледяной воды: с горячей тут то и дело случались перебои. В истории болезни Леокадии Адольфовны значился 1913 год рождения, что, несомненно, было ошибкой: не могло же ей быть сто лет? Карина думала, что кто-то, много лет назад, когда старушка поступила в интернат, перепутал местами две последние цифры. Комната ее располагалась в самом конце коридора и имела два окна, одно из которых выходило на верфи старого порта, а другое – на ангары и склады вокруг товарной железнодорожной станции. Не самый радостный вид, но Леокадию Адольфовну, похоже, он более чем устраивал. Вот и сейчас, когда Карина вошла в ее комнату, она чинно сидела на стульчике у окна и смотрела в промозглую тьму на яркие огни порта. Хотя кто знает: может быть, она думала, что смотрит на звезды. Болезнь Альцгеймера, хоть и в начальной стадии, проявлялась порой слишком явно. Леокадия Адольфовна называла Карину «моя милая девочка» и любила рассказывать ей удивительные истории из своей жизни, а может быть, тех жизней, которые она хотела бы прожить.

– Я была певицей, и очень, очень известной, – говорила она. – Как мне рукоплескали в зале Дворянского собрания в Петербурге! Сама Вера Панина называла меня своей преемницей, а Плевицкая завидовала черной завистью, особенно за то, что Лёнечка Собинов увлекся мной, а не ею!

И пела «Утро туманное...» приятным, звучным контральто.

Карина подсчитывала в уме, вспоминала, что Панина умерла за два года до самой оптимистичной даты, указанной в качестве года рождения Леокадии Адольфовны, но слушала. Рассказывала Леокадия Адольфовна вдохновенно.

– Лично Бочкарева приняла меня в «батальон смерти»; о, как мы поднимались в атаку под Крево! Карина, милая моя девочка, что за женщины были в нашем отряде: красавицы, умницы, отважные, самоотверженные, знаешь, таких уже нет и не будет. Сняли таких людей с производства за ненужность. Но как мы шли, как атаковали в штыки! И знаешь, ведь они все, все погибли!

И плакала.

Карина потом спрашивала у А. Л. про женские батальоны: удивительно, но ни в именах, ни в фактах Леокадия Адольфовна ошибок не делала. В ее рассказах были искренность и достоверность любви, и Карина не обращала внимания на то, могло или нет происходить все это с ее странной приятельницей. Ей просто нравилось слушать.

– Добрый вечер, Леокадия Адольфовна! – поздоровалась она.

Старушка обернулась, радостно улыбнулась и сделала приглашающий жест.

– Карина, девочка моя милая, входи, входи! Я рада тебя видеть. А то сегодня что-то покоя мне нет, – и нахмурилась.

– Что-то случилось? Плохо себя чувствуете? – обеспокоилась Карина.

Леокадия Адольфовна махнула рукой.

– Это все девчонки. Надоели мне, уже пару дней тут ошиваются, паршивки.

Карина почувствовала, как сжало сердце.

– Какие девчонки? – спросила она, не уверенная, что хочет слышать ответ.

– Да ходят тут две. Все просят: «Поиграй с нами, бабушка, поиграй с нами!» Как тебе это понравится? Одна еще ничего, горемычная, а вот другая – противная такая, настырная. Я их гоню, говорю: «Брысь, пойдите прочь, я не ваша бабушка!», а они уйдут – и снова возвращаются.

Карина молча присела на краешек кровати, аккуратно застеленной линялым одеялом.

– А когда они приходили последний раз? – осторожно спросила она.

– Да вчера. Думаю, это все из-за нее. – И Леокадия Адольфовна задумчиво посмотрела в окно. По черному стеклу расползались под ветром водяные разводы, в которых преломлялись огни порта.

Наверное, кто-то мог бы списать все на галлюцинации бедной старушки, мозг которой сдавался под натиском неумолимой и неизлечимой болезни. Но не Карина.

– Из-за кого, Леокадия Адольфовна? Из-за кого все это?

Старушка смотрела в окно, куда-то на запад, за окраину города, и покачивала головой.

– Ее выпустили на свободу. Нельзя было этого делать. И она голодна, очень, очень голодна.

Леокадия Адольфовна повернулась, посмотрела на Карину и твердо сказала:

– И ты, деточка, не вздумай ее кормить.

Тусклая желтая лампочка под потолком мигнула и резко погасла, а вслед за ней исчезли во мраке огни порта и фонари у складов и ангаров.

На город опустилась тьма.

* * *

Штурм замка Золотого Дракона требовал основательной подготовки. Это не какая-нибудь охота на монстров и даже не отражение атаки на город: тут требуются точный расчет и слаженная командная работа. И с тем и с другим дела обстояли отлично, но замок пока оставался непокоренным: никакой выгоды, одни потери.

Женя никогда не принимал наркотиков и вовсе не увлекался алкоголем. Он даже не курил. Зачем все это, когда есть другие, куда более безопасные и сильные стимуляторы? В онлайн игры в «единице» мало кто играл, все предпочитали шутеры, гонки и файтинги на

приставке или компьютере; ну, может, и было несколько новичков, время от времени поигрывающих в какие-то стратегии, но уж точно никого, кто мог бы сравниться с троллем J-Hammer 25-го уровня в «Линии огня», демоном MotherFucker 18-го уровня в Heaven&Hell, и самое главное – с великолепным орком Jack Ripper чистого 40-го апа в Warriors World – последний был предметом особой гордости Жени, его любимым персонажем, достигшим многого в своей недолгой виртуальной жизни: отдельный дом в городе, домашний грифон, два комплекта доспехов и жена, прекрасная эльфийка Андомизель, звавшаяся в реальной жизни Галиной и проживавшая примерно в двух тысячах километрах от Северосумска, в далеком южном городке вместе с мужем и тремя детьми.

Сегодня Jack Ripper был готов к новой попытке покорить самый неприступный замок в игре. В комнате полумрак, экран монитора приглушенно светится пестрым, как окно, ведущее в глубины фантастически прекрасного мира; рядом на столе бутылка колы и большая тарелка с бутербродами. Вот они, прекрасные минуты предвкушения. Особенно приятно, что дома никого нет. Отец в принципе здесь редкий гость: «Старпом, сынок, – это такой человек на корабле, который почти никогда не сходит на берег». Вот он и не сходил, даже когда его СРЗК возвращался в Северосумск, разве что выкраивал день-другой, но сейчас отец был где-то далеко, за горизонтом, среди фьордов и шхер дальних морей. Мама тоже не было дома. По субботам, если у нее нет дежурства, она уходит из дома вечером, а возвращается ночью, а чаще под утро. Женя не спит, хоть мама об этом не знает, но все равно заходит к нему, чтобы поцеловать, и он старается увернуться: от мамы пахнет сладковатым алкоголем и резкими мужскими духами, а губы у нее покрасневшие, припухлые и липкие. Обладателя мужского парфюма с резким запахом Женя готов был убить. Он чувствовал острую ревность, стыд за мать, обиду за отца, но понимал: такова жизнь, что поделать. Папа почти не появляется дома, но даже если бы и не так, он, прямо скажем, не роковой красавец с мягкой обложки женского романа: сорокалетний, высокий, но толстый, с большим круглым носом, одышкой, плохой кожей и жирными черными волосами. Маме тридцать шесть, но выглядит она на двадцать пять: яркая, стройная, с длинными вьющимися светлыми волосами и такими живыми, такими огненными глазами, что Женю бросало в жар, когда мама случайно попадала в него тем взглядом, который обычно предназначался другим. Ух. Сестра Инга явно пошла в мать: тоненькая, но фигуристая, блондинистая, длинноногая, вертлявая, глазастая, в дни короткого северного лета не вылезавшая из шорт, больше похожих на трусы, и коротких топиков. Тоже ух. Сестра, как и Женя, училась в «единице», в выпускном классе, и входила в число девчонок, вдохновляющих старшеклассников на яростно-мечтательную мастурбацию. Сегодня она отправилась с подругами в «Селедку» – будут там пить коктейли, строить глазки командированным мужикам с «Созвездия» и врать, что уже исполнилось восемнадцать. Ну и отлично – никто не ворвется в комнату с какими-нибудь дурацкими разговорами в самый разгар боя.

Женя посмотрел в чат, потом на часы: до назначенного времени штурма оставалось еще минут десять, но что-то никто из его группы пока не появился. Впрочем, придут, никуда не денутся. Пропустить согласованный штурм замка Золотого Дракона – дело немыслимое. Все товарищи Жени по игре были из Северосумска, но жили в других районах, кто на Тройке, кто в Заселье, кто на Рогатке. Их клан назывался Nordic Forces и включал в себя гнома Трампуса, гоблина DarkSide, двух людей – Гробокопателя и 123_Dirty Pervert_456, а еще эльфа Тимануила и тролля Дерибаса – трех школьников, девочку из текстильного техникума, прикидывающуюся мальчиком, машиниста тепловоза и тридцатипятилетнего программиста из «Лиги». Последним двум Женя немного завидовал: взрослые мужики, зарплата и все такое, могут покупать себе крутые доспехи и оружие за реальные деньги. Сам Женя такой возможности не имел, но зато он очень хорошо умел считать и продумывать стратегию боя: как увеличить силу, сколько очков поставить на магию, какие вещи лучше скомбинировать и какие магические свитки использовать. Его уважали. Он был мощным и авторитетным бойцом.

В ожидании группы Женя открыл еще одно окно браузера и быстро ввел адрес. На экране раскинулось яркое лоскутное одеяло порносайта, как фуршетный стол на любой вкус. Для полноценной, долгой, вдумчивой мастурбации времени нет, но немного взбодриться перед важным боем не помешает. Он не стал открывать все ссылки, просто быстро ввел в строке поиска «brother sister» и «mom & son» – и вот они, любимые сюжеты. Не выбирая, открыл в новых вкладках несколько роликов, оглянулся опасливо по привычке на закрытую дверь – он специально для таких случаев прикрутил на нее шпингалет – стянул штаны и положил руку на член. Из наушников понеслись шепот, стоны и крики. Дело вроде бы и пошло, даже мелькнула мысль, что можно успеть, но тут беспорядочные звуки коитуса перебил короткий писк: новое сообщение в чате игры. Женя быстро свернул порносайт: да, так и есть, соратники стали прибивать в город.

Ладно, потом. Если штурм пройдет успешно, можно будет отметить.

На часах было 19.45.

Замок Золотого Дракона состоял из пяти этажей, каждый из которых защищали полчища монстров, чем выше – тем сильнее и злее. Первый этаж они прошли без потерь и даже без использования лечебных свитков: драгены и фонги малых уровней не смогли нанести никакого урона. Женя шел вторым после Дерибаса по набитым НР и только сейчас вдруг вспомнил про Мамочку.

«Ну, сисястая, не подведи», – подумал он.

Nordic Forces ворвались на второй этаж. Тут, кроме монстров, был один черный дракон, так что пришлось потрудиться: не повезло DarkSide, которому пробили доспех и сняли едва ли не треть жизни, но остальные, навалившись, добили зловредного ящера и перешли на третий этаж.

Здесь начался настоящий бой. Визжали монстры, два черных дракона, кружа по каменным залам, изрыгали пламя и сокрушительно били хвостами с шипом на конце, стены крошились от магических рикошетов, протяжно звенели щиты, свистели стрелы, мечи врубались в плоть и черную чешую.

«Джек, я пропускаю, возьми третьего и пятого!»

«Дарк, жри свиток!»

«Дирти, прикрой!»

«Мочите раненого драка!»

Когда третий этаж был позади, у Жени по вискам струился пот. Он жадно отхлебнул колы, надкусил бутерброд, вытащил из сумки запасные лечебные свитки и приготовился. Их осталось пятеро: DarkSide и девочка-мальчик 123_Dirty Pervert_456 пали в неравном бою. Женя посмотрел на результаты: по-прежнему второй. Неплохо.

Он поднялся на четвертый этаж и остановился. Теперь надо было согласовать действия с остальными, но они почему-то молчали. Время шло. Игровой таймер отсчитывал обратное время в секундах: 456...455...454...

Что за черт?!

Он взглянул в чат и обомлел:

«Трампус покинул город».

«Гробокопатель покинул город».

«Тимануил покинул город».

«Дерибас покинул город».

Орк Jack Ripper стоял в одиночестве на четвертом этаже замка Золотого Дракона перед ордой монстров и парой красных ящеров.

Женя схватился за мобильный. Что-то пошло не так, но что?!

Трампус, он же учащийся шестого класса школы № 3 Степан Русь, ответил после второго гудка.

– Что за дела?!

– Брат, электричество отрубили во всем городе, посмотри в окно! Модем, роутер – ничего не пашет.

Женя выругался, выскочил из комнаты и побежал к окну маминной спальни, откуда обычно на другой стороне узкого залива была видна россыпь огней Северосумска. Сейчас на его месте была влажная тьма, и только фары машин медленно пробирались по невидимым во мраке улицам.

Женя метнулся обратно к компьютеру.

– Через мобильный войти можешь?

– Не тянет игру мобильный модем, брат, – печально ответил ему Трампс. – А у тебя что, свет не выключили?

– Я в Городке. У нас же база военная, тут свои трансформаторы... или генераторы... хер знает. Мы от города не зависим.

– Ну прости, Джек. Дракону привет передавай, если что.

Женя положил мобильник. На таймере светились угрожающе красные цифры: 292... 291... 290...

Орк Jack Ripper поудобнее перехватил боевой молот и пошел на врага. Отчаяние и надежда придавали ему сил, так что даже когда последний красный дракон навис перепончатыми крыльями над ним, израненным и умирающим, у него хватило сил на последний удар – до того, как на экране боя появилась черная надпись: «Вы мертвы».

Женя откинулся в кресле и с силой ударил себя по колену – раз, другой, третий.

– Сука! Сука! Сука!

Он и в самом деле набил больше всех HP на штурме. Но замок устоял. А мертвым не выплачивают выигрыш.

* * *

– Наворовали!.. Вот морду какую отъел!.. Насосала, прошмандовка!.. Опять миллиардами воруют, а дороги сделать не могут!.. Хер тебе, обезьяна вонючая!.. Да он бухой все время, ты посмотри на него!..

Даже через две прикрытые двери, стены и коридор слышно было так, будто дед сидел у Ромы над ухом.

– Да на какие деньги, козлы драные?.. Давай, заливай, трендеть – не мешки ворочать!.. О, еще одна шалава вылезла!.. Ты бы, сука, на завод пошел работать, педрила!..

Дома проходил вечерний просмотр телевизионных программ. Рома сидел с ноутбуком на кухне, но прекрасно знал, что происходит в их с мамой комнате: дед восседает на диване с пультом от телевизора, время от времени переключает каналы и комментирует увиденное. Комментарии эти разнообразием не отличались. Согласно взглядам Сергея Сергеевича, весь мир состоял из воров, проституток и педиков, которые только и делают, что крадут деньги у таких простых тружеников, как он. Рома не понимал, как можно что-то украсть у человека, который в этой жизни ничего так и не заработал, но спорить не приходилось. Да и было рискованно. Вот и мама сидит сейчас на продавленном старом диване рядом с дедом и, наверное, пытается что-то читать.

– Вот бядина! – грянуло из комнаты как-то особенно громко. Кошка Татка, уютно расплывшаяся у него на коленях мягким горячим комком, встрепенулась и чуть выпустила когти, впившиеся в кожу сквозь тонкую ткань домашних штанов. Рома сморщился и прислушался: нет, это все-таки в телевизор, а не маме. Хотя бывало, что такие слова относились и к ней. Мама в ответ на это молчала – она всегда молчит. Просто потому, что ей некуда пойти. Раньше Рома думал, что мама рано или поздно встретит хорошего мужчину и они уедут из дедовой двух-

комнатной квартиры в какой-нибудь новый дом. Правда, теперь он на это не рассчитывал. Его мама была некрасивой, Рома уже достаточно повзрослел, чтобы уметь это признавать: маленькая, пухлая, с редкими бесцветными волосами, курносый носом и круглым лицом, похожая на постаревшую хиппи. Она не умела нравиться мужчинам, а одевалась так, как одевается женщина, махнувшая рукой на уходящую молодость и будто бы старающаяся ускорить наступление старости: какие-то длинные юбки до пола, бесформенные кофты, блеклые старомодные блузки. Отца Рома не знал и никогда даже не слышал о нем. Сколько он себя помнил, они жили с дедом – желтоглазым, злым, с большими жесткими ладонями. Если бабушки обычно пахнут лежалыми вещами, сушеными травами и валерьянкой, то дедушка пах железом, машинным маслом и стоялой морской водой. Он работал на «Коммунаре», резал и разбираал на металлолом старые корабли. Его недолюбливали и побаивались все: и товарищи по работе, и соседи, предпочитавшие избегать с ним встречи, и даже кошка Татка, за несколько лет в совершенстве овладевшая типично кошачьим искусством бесследного исчезновения в квартире, чтобы не попадаться хозяину ни под горячую руку, ни под тяжелую ногу. Пока дед был на работе, дома можно было еще находиться, но потом он входил в дверь, дыша злобой и алкоголем, ел, смотрел телевизор – вот как сейчас – и уходил к себе в комнату спать, после чего в квартире должна была прекратиться всякая жизнь и всякие звуки. Так что заниматься своими делами получалось только на кухне, пока дед смотрел телевизор.

– Что она, что он, проститутка и пидор, ты глянь!..

Рома вздохнул, осторожно переложил на табурет недовольно дернувшую хвостом кошку, встал, долил кипятка в кружку с чаем и вернулся к прерванным занятиям. На экране чернел популярный шаблон картинок для социальной сети. Он поместил в центр изображение усатого вождя, найденное по запросу «Сталин уродливый страшный». Потом немного подумал и написал сверху: «За время правления расстреляно 14 385 728 человек. Погибло в лагерях 25 680 937 человек. Умерло от голода...» Он задумался на минуту и написал: «35 654 789 человек». Получалось впечатляюще, а главное, чтобы цифры были неровные и казались точными, как будто полученными из архивов. Ниже фотографии приписал крупно: «А ты радуйся, что ему ставят памятники». Рома полюбовался результатом, сохранил изображение и взялся за другое. На этот раз в ход пошла фотография, которую выдал запрос «Сталин вождь красавец». Выше расположился текст: «За время правления построено 2 756 заводов и фабрик, 156 437 школ, 231 889 больниц. 95,7 % населения получили образование». И ниже: «А ты продолжай считать его тираном».

Недурно.

Рома пробежал глазами список заявок в заказе и взялся за другие картинки. Теперь он внес в строку поиска «жертвы бомбардировки дети». Нужно несколько картинок с разными подписями: заказчиками Ромы являлись два крупных сообщества в социальной сети, оппонирующие друг другу, и это было удобно – фотографии можно использовать одинаковые, а подписи делать разные. Правда, в случае с жертвами обстрелов нужен другой подход, нечто более эмоциональное. Например: «Так выглядит мирная политика такого-то» или «Политика такого-то: оплачено жизнями». Рома скопировал несколько фотографий, скользя рассеянным взглядом по длинным галереям изображений с растерзанными взрывами, расчлененными, окровавленными детскими телами. Потом внимательнее посмотрел отобранное и решил, что нужно оставить картинки, где видны лица убитых, хотя бы частично – так впечатление будет сильнее. В качестве подписей выбрал «Мирный план в действии» и лаконичное «Потерь нет». Клиентам должно понравиться.

– Говнюки, мать их!.. Довели страну!..

Рома взглянул на часы: 19.45. Через пятнадцать минут начнется новый выпуск новостей, а за ним, через час – еще один. Отлично, есть время поработать с комментариями.

Тут простора для фантазии было больше, а результат нагляднее. Он открыл несколько окон в браузере с разными страницами в социальной сети и проверил результаты вчерашнего комментирования. В трех ветках обсуждения страсти разгорелись как следует, дело дошло до мата и угроз. Взгляд выхватил несколько знакомых имен: этих ребят он знал, они тоже работали. С некоторыми Рома даже переписывался. Оплата за комментарии зависела от количества ответов, и если не удавалось хорошенько разозлить публику, они писали друг другу, накручивали результат.

В четвертой ветке выяснение отношений затихло, едва начавшись. Рома внимательно почитал, проанализировал ситуацию и быстро написал три ответа с трех разных страниц.

«Откуда ты взялся, экспед? Знаешь ли ты, что с 1613 года Россия в ходе захватнических войн уничтожила 453 этноса, в том числе в Средней Азии, в Закавказье и на Крайнем Севере? А на Камчатке более 45 000 представителей коренного населения в 1815 году по приказу царя были вывезены на баржах в море и расстреляны из пушек! Учи историю, школота!»

Кстати, какого царя? Надо бы добавить для достоверности. Рома снова развернул поисковый сайт и через минуту отредактировал: «...по личному приказу Николая I...» Да, так лучше. Теперь еще один комментарий от другого имени:

«Между прочим, из 1457 народностей, вошедших в состав России, НИ ОДНА не потеряла самостоятельности! А 1256 из них до вступления в Российскую империю не имели письменности и школ! Почитай материалы Центрального государственного архива и Архива академической библиотеки, а потом спорь! Хотя кто тебя пустит в архивы, малолетка!»

Последний был самым коротким:

«Петушила я твою маму трахал а твой папаша у меня отсасывал ахаххх».

С точки зрения оживления дискуссии это казалось наиболее перспективным.

Рома открыл страницу с интернет-кошельком и проверил счет. Чуть меньше сорока тысяч за три месяца. 37 566, ага. Нужно быть точным. И за сегодня получится еще рублей 700 примерно. До покупки квартиры в Северосумске осталось всего-навсего 860 000. Это однокомнатная; двухкомнатная для них с мамой выйдет дороже. Если бы не было деда, он мог бы работать по ночам... Хотя если бы не было деда, не было бы и проблем. Или все равно были бы?

Наверняка.

Вот какие трудности в жизни, например, у Петровича? Да никаких. У него уже все есть и дальше все будет просто по факту рождения: любые телефоны, планшеты, деньги карманные, после школы – учеба в хорошем университете в Питере или в Москве, потом – работа в отцовской конторе или вообще где пожелает. Ну, девочки на него внимания не обращают, так это можно пережить; еще лет пять, а то и меньше, девчонки подрастут, сообразят про отцовские деньги, и отбоя от них не будет, не помешают ни оттопыренные уши, ни мелкий рост, ни костлявые руки. Или Жека Зотов – у него тоже все ровно в жизни. То, что батя у него редко дома бывает, так это даже хорошо, наверное: живешь себе с сестрой и мамой, сидишь в своей комнате, играешь в игрушки. Никто не орет из-за стенки пьяным матом, не храпит так, что дрожат стекла, не нужно жаться на кухне, если хочешь просто спокойно посидеть в социальной сети или поработать, не нужно бояться кого-то разбудить ненароком и получить затрещину большой и тяжелой ладонью. С будущим тоже все более или менее понятно: не захочет сам куда-нибудь поступать – а Жека, скорее всего, не захочет, факультет игромании еще не придумали – так отец устроит в военное училище. Какой из Жеки военный – смешно и подумать, но главное, что варианты есть. Макс вообще не парится: занимается карате, зажимает каких-то телок у себя в Слободке; нет мыслей – нет печалей.

А что у него, Ромы? Одинокая мама-учительница и отсутствие перспектив. Нехватка денег ощущается уже сейчас; он сравнительно неплохо зарабатывал в Сети, но тратить заработанное на себя не хотел – нужно копить: на квартиру, на будущее, на учебу, да мало ли еще на что. Его-то никто не будет устраивать в университет или на работу. Платный вуз стоит дорого,

поступить на бюджетный – трудно, разве что только в Михайловске, и то выбирать не придется, нужно будет идти куда возьмут. Жизнь впереди представлялась чередой сплошных проблем, для решения которых нужны были деньги, чем дальше, тем больше. К тому же пока непонятным оставалось и то, чем он хочет в перспективе заниматься. Учеба не то чтобы не давалась, но интереса не вызывала, по математике он балансировал на грани тройки и двойки, и грядущая контрольная в понедельник обещала изменить этот баланс не в его пользу; история или литература наводили тоску: никому не нужные факты, никчемные даты и цифры, непонятные переживания героев позапрошлого века, словно вытряхнутых из пыльных сундуков краеведческого музея. Хорошо было только с рисованием – сказывалась наследственность, мама в студенческие годы неплохо работала маслом. Рома картин не писал, зато отлично умел рисовать злодеев и монстров из игр или мультфильмов. Но разве этим можно заработать на жизнь? В последнее время, правда, его влекла журналистика; дело это, насколько он мог судить по публикациям в Интернете, было несложное: знай ври с три короба о чем-нибудь злободневном, пиши бранные комментарии по поводу политических событий и не забывай в конце указывать счет в банке и реквизиты для интернет-платежей. Правда, с доходностью такого занятия тоже предстояло еще разобраться.

Открылась дверь в комнату, в коридоре громко зазвучали жизнерадостные сообщения рекламного ролика: «Ученые нашей лаборатории создали этот крем специально для...» Тоже врут. По коридору протопали шаги: дед воспользовался паузой, чтобы сходить в туалет. Наверняка сейчас заглянет на кухню. И точно: скрипнула дверь, и вот он, на пороге – высокий, худой, с костистым лицом, горбоносый, с жестким ежиком коротких седых волос над морщинистым лбом. Глядя на деда, Рома каждый раз как будто смотрелся в уродливое зеркало, показывающее его самого в старости – внешне он явно пошел не в маму и, видимо, не в не известного никому отца. Дед уставился на внука, несколько секунд смотрел ему прямо в глаза, произнес:

– Что, все сидишь? – потом что-то зло прошипел сквозь зубы и хлопнул дверью. Рома жалел, что у него нет наушников: сейчас бы они пришлись очень кстати, чтобы заглушить звуки, несущиеся из сортира, да и вообще, с ними как-то повеселее. Летом мать взяла микрокредит в магазине электроники и купила ему на день рождения шикарные дорогие наушники, но через две недели их отжали вместе со смартфоном залетные гопники из Слободки. Макс тогда попытался было вписаться за друга, но ему объяснили, что «вещь у братвы», а значит, ничего сделать уже нельзя. Маме пришлось сказать, что забыл наушники и телефон в автобусе; она долго утешала его, говорила, чтобы он не расстраивался, а потом сама полвечера плакала, закрывшись в ванной.

Рома вздохнул и стал сочинять сообщение для новой темы в обсуждениях – и в этот момент вдруг стало темно. Замолчал телевизор; погасла лампа под потолком, мигнули и исчезли огоньки на панели плиты и на микроволновке. Темнота настала сразу, всюду, ошеломила внезапностью и оглушила звенящей тишиной, только продолжал светиться экран ноутбука да журчала вода в трубах.

– Убью, сука!!! – от истошного вопля дрогнули стены, да так, что «писающий мальчик» на дверях туалета, наверное, и в самом деле сейчас обмочился. – Включи свет, гаденыш!!!

Татка, царапнув когтями по табуретке, метнулась стрелой и пропала во тьме. Рома вскопчил, бросился к окну и понял, что свет в ближайшее время включить навряд ли удастся: в домах Тройки не было ни огонька, уличные фонари стали мертвыми, как сгоревшие спички; мрак и дождь опустили на беспомощный город.

* * *

Тренировка подошла к концу; последние двадцать минут до того, как все уйдут в раздевалку, отводились для спаррингов. Противники в парах были, как правило, одни и те же,

подобранные по возрасту, росту и силе, если только тренер Геннадий не решал вдруг поставить слабого с сильным, исходя из каких-то своих педагогических целей. У Макса тоже был постоянный спарринг-партнер, да такой, которого и врагу не пожелаешь. Так получилось, что своих сверстников, да и некоторых ребят постарше, Макс убирал в поединках за несколько ударов; в прошлом году дошло то того, что с ним просто отказывались становиться в пару или падали сразу, получив даже легкий тычок, во избежание более серьезных тумачков. Вот Геннадий и решил в начале этого учебного года назначить Максиму в противники Тимура Комбатова по кличке Комбат, долговязого пятнадцатилетнего парня, который тоже жил на Слободке. Отношения у них были в принципе нормальные, ровные, но в спаррингах Комбат земляка не щадил и гонял по татами, пока не сваливал с ног. После тренировок у Макса теперь всегда были отбиты предплечья, которыми он ставил блоки, и почти никогда не обходилось без синяка под глазом, разбитого носа или рассеченной губы. Комбат физически был вряд ли сильнее – как-никак Макс мог шесть раз выжать шестнадцатикилограммовую гирю, – но сказывалась разница в возрасте, росте, а еще в скорости: реакция у Комбата была как у кобры, а удары хлесткие, резкие, будто он бил не рукой, а хлыстом с металлическим наконечником. Макс раз за разом придумывал разные комбинации, пытался пробить и с дальней, и с ближней дистанции, но пока безуспешно.

– Ёииии! – звучно прокричал тренер.

Макс резко выдохнул и встал в стойку, топнув передней ногой в татами.

– Ну, давай, Максютя, удиви меня. – Комбат ухмыльнулся, в узких карих глазах запыгали азартные огоньки – а может, это просто отразился свет ламп под высоким потолком зала. Он медленно, как в кино, выставил перед собой руки, присел в оборонительную позицию и даже согнул ладонь и поманил к себе Макса согнутыми пальцами – то ли Брюс Ли, то ли Нео в «Матрице».

– Хаджиме!

Противники тут же отскочили друг от друга, а потом, пружиня на носках, стали осторожно сближаться. Комбат ждал нападения: он обычно предпочитал контратаковать. Макс решил, как всегда, начать с лоу-кика, а когда Комбат отдернет ногу – а тот всегда успевал среагировать на такой удар, – попытаться продолжить движение и сделать подсечку. Он быстро шагнул, согнул правую ногу и быстрым, резким таранным толчком выбросил ее вперед.

В зале стало темно, будто на глаза надвинули черную плотную шапку. Пары остановились. Слепленный неожиданной тьмой, Комбат замер, недоуменно моргая. Макс, наверное, тоже бы остановился, озираясь вокруг и хлопая глазами, как проснувшийся сыч, но движение уже пошло, и удар было не остановить. Через долю секунды он почувствовал, как его стопа с силой врезалась в уже выпрямленное колено Комбата, раздался отчетливый мокрый хруст, а потом тишину и мрак разорвал пронзительный крик боли и шум упавшего на татами тела.

* * *

– Удачной тренировки, Даниил Петрович! – сказал водитель Андрей и протянул Даниилу спортивную сумку, слишком большую для помещавшихся в ней плавательных трусов, полотенца, резиновой шапочки и пластиковых очков. Даниил что-то буркнул в ответ и поплелся к большим стеклянным дверям под широким бетонным навесом. Настроение было отвратительное.

Поход в бассейн представлял для него регулярное путешествие по кругам омерзительного ада, похуже, чем тот, что описывал Данте; во всяком случае, два раза в неделю Даниил думал, что охотнее смирился бы с серным дымом, раскаленными камнями и воплями грешников, чем с гадким запахом хлорки, холодом, противным звоном, которым отдавался тут любой

звук, и колышущейся массой голубоватой неживой воды – как будто это и не вода вовсе, а какое-то искусственное химическое соединение.

Начиналось это мучение с общей душевой. Она была огромной, белой, с кафельными стенами и мокрым скользким полом, и все тут ходили совершенно голыми. Даниил очень стеснялся наготы, и своей, и чужой. Было что-то унижительное и противоестественное в том, чтобы догола раздеваться и разгуливать среди толпы таких же бесстыдно обнаженных людей, иногда даже касаясь их кожи плечами и бедрами. Причину его собственного стеснения можно было понять: очень тощий, с торчащими, будто недоразвившиеся крылья, лопатками, выпирающими ключицами, бледный, в россыпи бледно-рыжих веснушек на тонких плечах – не совсем то, что можно с гордостью выставить напоказ. Но Даниилу было еще и стыдно смотреть на других; куда ни бросишь взгляд – одни пенисы: мелкие и белесые мальчишеские, болтающиеся, как бойкие червячки, над голыми подобрившимися мошонками; темные, толстые, как сардельки, мужские, торчащие из курчавых волос – они окружали его со всех сторон и притягивали взгляд, как и все отвратительное. Ему казалось, что все тоже таращатся на его член, едва ли не единственный из всех лишенный крайней плоти, от чего стыд делался невыносимым. Даниил, старательно глядя в пол, мышью шмыгнул под душ в самом ближнем углу, наскоро ополоснулся и выскочил обратно в раздевалку, где торопливо натянул на себя красные плавки. Прохождение первого круга ада завершилось натягиванием резиновой шапочки и плавательных очков – неприятно, неудобно, нелепо, а еще мир вокруг сразу стал размытым, как смазанная акварель: свои очки, разумеется, пришлось снять, а на тех, что предназначались для плавания, не было диоптрий.

Огромный пятидесятиметровый бассейн встретил его многоголосым гулким эхом, отражавшимся от высокого потолка, стен и голубоватой воды. Даниилу сразу стало холодно, и он почувствовал, как кожа покрывается противными пупырышками и, возможно, синеет. Шесть из восьми дорожек были заняты; в воде поплавокми покачивались головы в разноцветных шапочках, а некоторые и без них – величайшая несправедливость, когда тем, кто просто пришел сюда поплескаться для удовольствия, можно не надевать этот узкий, противный, похожий на презерватив головной убор, а тем, кто, как и Даниил, занимался тут с тренером, приходилось натягивать его на голову.

Его группа выстроилась в две шеренги у края бассейна. Тренер в красном спортивном костюме и с длинным красным же носом стоял сбоку у бортика, держа в руках металлический шест с резиновым наконечником. Предполагалось, что это спасательный инструмент, однако Даниил знал, что у длинной алюминиевой палки есть и другое назначение – толкать его в затылок, чтобы он опускал лицо в воду, как полагается делать в классическом кроле, в то время как Даниил предпочитал задираť голову над водой, как собака.

– Моя группа, по одному, с тумбочки, в воду – марш!

Еще одно испытание: почему-то нужно обязательно прыгать, а не сходить спокойно по ступенькам лестницы, что было гораздо удобнее, а еще позволяло не нахлебаться воды, когда плюхаешься с высоты в воду. Даниил, дрожа, забрался на тумбочку с энтузиазмом приговоренного к казни, лезущего на эшафот, согнул ноги, вытянул руки и, неловко оттолкнувшись, рухнул в бассейн, ударившись о поверхность воды грудью и животом.

Кажется, тренер крикнул ему что-то, даже наверняка, он всегда орал после исполнения Даниилом своего коронного прыжка, но сейчас на это было наплевать – главное, побыстрее вынырнуть и вдохнуть воздух. Едкая вода залилась в ноздри, шумела в ушах, и Даниил, дыша ртом и отплеываясь, пытался вспомнить, что делать дальше. Чуть согнуть руку, развернуть корпус, погрузить ладонь, сделать гребок, опустить голову вниз... Даниил забил руками по воде, с трудом выпрямился и заработал ногами, стараясь повыше вытянуть шею.

– Лицо в воду! – гаркнул над головой тренер.

Даниил, помня про алюминиевый шест, поспешно окунулся, но при этом ноги его почему-то тоже ушли вниз, и вместо стильного погружения лица получился нелепый нырок.

Снова защипало в носу и зашумело в ушах. Он вынырнул, выплюнул воняющую хлоркой мертвую воду и снова принялся грести – отчаянно, с выпученными глазами, как упавший в ванну кот.

– Лицо в воду!

Толстый резиновый набалдашник мягко, но сильно ткнулся в затылок, погрузив Даниила в воду как раз в момент очередного судорожного вздоха. Вода хлынула в носоглотку, и в глазах померк свет.

На какое-то мгновение Даниил подумал, что умирает: все, вот предсказуемый конец его мучений, он тонет, захлебнувшись на тренировке. От ужаса он забился и задержался так, что выскочил из-под воды едва ли по пояс, будто обезумевший кит.

Вокруг была тьма. Гигантские лампы погасли, и даже через большие окна под потолком не проникал свет городских фонарей или окон домов, только тусклое синеватое ночное свечение. Даниила окружали непроницаемый мрак, вода и ошеломительная тишина, как если бы он оказался один посреди океана – даже людей не было видно, только чуть слышно плескалась вода под растерянными гребками. Он завертел головой, но в следующий миг тишина взорвалась голосами: громкими, встревоженными, кто-то кого-то звал, где-то заплакал ребенок.

– Моя группа, из воды, быстро! – раздался откуда-то сверху голос тренера.

– Выходим, все выходим! – протяжно прокричала женщина на другом конце бассейна, тренер детей помладше.

Со стороны спасательной вышки прозвучал резкий свисток. В воде возникла мгновенная толчея: взрослые уверенно гребли по направлению к лестницам, дети металась, наталкиваясь друг на друга, пытались забраться наверх по скользким стенкам, хватались за канаты дорожек и друг за друга. Тренер с криками метался по бортику, тыча длинной палкой в воду; тех, кому удавалось уцепиться за спасительный шест, он вытягивал вверх, довольно бесцеремонно хватая за руки, ноги и плавки. Глаза понемногу привыкли к темноте, Даниил заработал руками, пытаясь подплыть к тому месту бортика, где орудовал тренер, но почувствовал, что кто-то больно ударил его ногой по ноге, а потом чья-то пятка врезалась ему в живот, мгновенно выбив дыхание. Он бултыхнулся, дотянулся до разделительного каната дорожки и судорожно вцепился в него, пытаясь понять, что делать дальше. У сходней тем временем началась давка, послышались громкие крики, брань, а потом шумный всплеск от падения в воду тяжелого тела. Заголосила девчонка, ее крик подхватили другие. Отовсюду неслись визг, плач, шумный плеск и просьбы о помощи. Даниил как будто оказался в самом страшном из возможных кошмаров: он в воде, на глубине, кругом темнота и помочь ему некому. Он заставил себя отпустить канат и поплыл в дальний конец бассейна, где толкотня была меньше; впереди тускло отсвечивала металлическая лестница. Как ни плохо он плавал, но оставшиеся сорок метров мог осилить, в крайнем случае всегда можно было снова схватиться за канат. Даниил сделал несколько гребков и тут почувствовал, как вода тяжело всколыхнулась. Сначала он решил, что поверхность взбуржена множеством в панике плывущих людей, но движение было другим, единым, мощным и слитным – и Даниил ощутил, как какая-то сила опускает его ноги и тянет под воду. Он дернулся, распластался по поверхности, но то, что было внизу, не отпускало, напротив, тянуло все сильнее и сильнее.

Снова раздался свисток спасателя – один, другой, третий, а за ними – громкий крик, в котором явно слышалась паника:

– Стоки открыты! Вода идет в трубы! Выходим, выходим, выходим!

Ответом был многоголосый вопль. Эхо носилось меж стенами и потолком, как стая перепуганных чаек. Даниил, которого тянуло на дно с неумолимой механической мощью, изо всех сил рванулся вперед. Так плавали, вероятно, первобытные люди, рыбаки неолита, упавшие с челнока в море и преследуемые морскими чудовищами: в этом плавании не было ни стиля, ни правил, а только дикое, животное желание выжить. Тренер, отчаянно таскавший наверх

всех, до кого мог дотянуться, вряд ли оценил бы технику Даниила, но уж точно был бы впечатлен скоростью, с которой тот добрался до дальней лестницы; уже подплывая, уже протянув руки, чтобы схватиться за металлический поручень, Даниил бросил взгляд вниз, и ему показалось – нет, он точно увидел в толще прозрачной, как черное стекло, тревожно колышущейся воды маленькую, отчаянно размахивающую руками и ногами фигурку, прижатую к бледному дну. Через мгновение Даниил уже взялся за лестницу, одним рывком выбросил себя из воды и помчался, шлепая босыми ногами в сторону выхода. Со всех сторон на него летели голые тела, большие и маленькие, блестела мокрая кожа и испуганные глаза, крики оглушали, а у самого выхода кто-то огромный, мокрый и волосатый, как вылезший из речки медведь, налетел на Даниила большим животом и отшвырнул к стенке. Даниил упал, больно стукнувшись головой, и тут же, споткнувшись о его вытянутую ногу, сверху повалилась какая-то истошно кричащая женщина, за ней девочка, кто-то еще и еще, пока через несколько секунд Даниил не почувствовал, что его тонкие ребра трещат и гнутся под копошащейся на нем живой массой. Он попытался вздохнуть и не смог.

Внезапно тела разметало в стороны, будто взрывом. Кто-то тяжело шлепнулся голой спиной о стену. Женщину, упавшую сверху, сорвало с места, подхватило и отшвырнуло куда-то. Водитель Андрей, запыхавшийся, в расстегнутом пальто, сбившемся галстук и с фонариком в руке склонился над Даниилом. Костяшки пальцев, держащих фонарь, были почему-то содраны и кровоточили.

– Даниил Петрович! Живы?!

Даниил утвердительно пискнул. Андрей одним движением подхватил его с пола, положил на плечо и стал пробиваться вперед, сквозь хаос и тьму.

– Мальчик, – прошептал Даниил. – Там мальчик, на дне. Я его видел.

* * *

Способность наслаждаться тишиной и одиночеством – одно из самых благих умений, которые только может приобрести человек. Оно приходит только с опытом, и чаще всего с опытом горьким; это как лекарство, оплаченное пережитыми скорбями, потерями, совершенными ошибками; как эликсир мудрости, который трудно добыть, но, когда наполненная им чаша оказывается в израненных, дрожащих ладонях, когда иссушенные губы припадают к нему и ты делаешь первый глоток – приходит покой, а вместе с ним мудрость.

Аркадий Леонидович надеялся, что они пришли надолго, может быть, навсегда.

Он сидел за круглым столом в комнате и читал. Ровный уютный свет разливался в маленькой комнате с убогой, поношенной мебелью. Телевизор молчал. Ниоткуда не доносилось ни звука. Окно выходило на улицу, но прохожие за мокрым стеклом скользили бесшумно, как быстрые тени, а машины были тут редкостью: улица Красных Матросов заканчивалась тупиком, а для большинства ее обитателей автомобиль являлся не средством передвижения, а самой что ни на есть роскошью.

Аркадий Леонидович сделал глоток горячего чая из большой кружки и прикрыл глаза. Тишина и одиночество. Когда человек хочет искоренить в себе что-то, или достичь какого-то результата, или избавиться от пагубного пристрастия, он должен себя ограничивать. Собственные ограничения Аркадий Леонидович соблюдал очень строго: никаких программ новостей по телевизору; ни в коем случае никакого Интернета; желательно – никаких газет. Все это помогало избежать раздражающего воздействия окружающей действительности, а он очень хорошо знал, к каким последствиям может привести такое раздражение. Не для того он покинул Санкт-Петербург, не для того начал новую жизнь в этом маленьком, холодном городе на берегу северного моря, чтобы опять сорваться или, что вообще немыслимо, снова взяться за старое. Его жизнь сейчас была нормальной: спокойная работа, разумный досуг, хорошая жен-

щина – и он хотел, чтобы нормальной она оставалась и впредь. В отличие от Карины, его не беспокоило будущее, особенно в части их взаимоотношений: Аркадий Леонидович принял как должное, что они вместе, что она удивительным образом принимает определенный им образ жизни, что разделяет его интересы, принял ее заботу; принял любовь. Карина была частью этой новой, счастливой жизни, частью важной, неотъемлемой и естественной.

Все так, как должно быть.

Никаких дискуссий, никаких озлобленных споров, никаких попыток атаковать окружающий мир; ни борьбы с одному ему видимыми чудовищами, ни проповедей, ни охоты, ни дознаний, ни казней. Он даже книги для чтения выбирал с особенным тщанием и поначалу испытывал с этим некоторые затруднения: читать современных авторов было рискованно – его могли вывести из себя невежество, чудовищная, беспардонная профанация вечных ценностей, безликость или сознательно культивируемая бессмысленность. С классикой тоже следовало быть поосторожнее; он попробовал было перечитывать проверенную временем беллетристику прошлых веков, но и тут таилась опасность: чтение, например «Трех мушкетеров», мгновенно вызвало в памяти подробности той эпохи, когда на кострах в Бамберге жгли и правых, и виноватых, в то время как томные мушкетеры короля приносили чужие жизни в жертву сомнительному адюльтеру. Неплохо пошел Конан Дойль, но Аркадий Леонидович некстати вспомнил, что тот увлекался спиритизмом, и рассказы о Шерлоке Холмсе сразу потеряли свое очарование. К счастью, отличную идею подала Карина, когда попросила прочесть ей курс мировой литературы. Аркадий Леонидович исправно навещался в местную библиотеку, брал нужные книги и перечитывал их так, как будто готовился к занятиям в университете, – это помогало видеть в тексте то лучшее, чем хотелось поделиться, и не замечать того, что могло бы задеть опасные струны в душе.

Это очень хорошая жизнь, напоминал он себе каждый день. Это нормально. Это правильно. А неправильно и ненормально похищать женщин при помощи электрошокера; пытаться их, разбивая молотком пальцы на ногах и ломая колени, добиваясь признания в ведьмовстве; неправильно и ненормально раздевать догола и искать на них отметину дьявола, а потом поливать бензином и поджигать, иногда заживо...

Не надо. Ни думать, ни вспоминать. Прошлое живо только до тех пор, пока мы не даем ему умереть.

Аркадий Леонидович покачал головой и снова сосредоточился на чтении. Как все-таки здорово, что Карине нравится западноевропейский эпос и что она с таким интересом слушает «Песнь о Нибелунгах». Он и сам перечитывал с удовольствием. Завтра воскресенье, Карина вернется со смены, отдохнет, а вечером они приступят к следующей авантуре про сватовство Гунтера к Брүнхильде.

Лампа под потолком погасла, словно кто-то нажал на выключатель. Аркадий Леонидович вздрогнул, как всегда вздрагивает человек, когда нарушается привычный порядок вещей: раздается из другой комнаты резкий звук, или кто-то осторожно стучит в дверь поздней ночью, или сам по себе включается телевизор. Или вот так неожиданно гаснет свет.

Черт, даже сердце забилось сильнее и чаще.

Наверное, выбило пробки. Аркадий Леонидович встал, взял мобильный телефон и, подсвечивая себе путь синеватым, призрачным светом экрана, отправился в коридор к входной двери. Проходя мимо кухни, он взглянул в сторону окна: свет не горел и в соседних домах, а на улице погасли редкие фонари. Зрелище было жутковатым. Видимо, проблема не в пробках.

Тем не менее просто так сидеть и ждать неизвестно чего не хотелось. Даже если понимаешь, что проблема имеет масштаб района или целого города, все равно выйдешь на лестничную площадку, чтобы встретить соседей, так же светящих по сторонам фонариками или телефонами, и обменяться репликами: «У вас тоже света нет?» – «Нет, а у вас?» – «И у нас нет. Наверное, на подстанции что-то». Таков ритуал.

Аркадий Леонидович открыл дверь и отшатнулся. Он уже привык к тому, что идиот из соседней квартиры стоит иногда в открытых дверях и смотрит в упор, но на темной лестнице лицо умственно отсталого парня со спутанными кудрявыми волосами и пустым взглядом, подсвеченное снизу электрическим фонариком, выглядело жутковато.

– Добрый вечер, – сказал Аркадий Леонидович, переведа дух.

Тот, как всегда, не ответил. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом парня втащили внутрь темной квартиры, в дверях мелькнули седые космы, быстрый злобный взгляд – и дверь с грохотом захлопнулась. Аркадий Леонидович покачал головой и сделал пару шагов на площадку. Откуда-то сверху донеслись лязганье замка, шаги, голоса, на грязных стенах парадной запрыгали лучи фонарей.

– Во всем доме, кажется!

– Да, и напротив!

Сверху спустился, шаркая домашними туфлями, немолодой мужчина в халате, подвязанном кушаком под объемным животом. Он остановился на верхней площадке и молчал, светя фонарем Аркадию Леонидовичу в глаза.

– Здравствуйте! У вас тоже света нет?

– Нет, – отозвался мужчина и вздохнул. – А у вас?

– И у нас нет. Наверное, на подстанции что-то.

– Да, наверное. – Мужчина еще раз вздохнул, повернулся и пошел наверх.

Аркадий Леонидович улыбнулся, вошел в квартиру и задвинул засов. И сразу же почувствовал, что там кто-то есть.

Он не один в темноте.

Это было не поддающееся рациональному объяснению, но совершенно отчетливое ощущение; по спине пробежал неприятный холод, волосы на руках поднялись дыбом, сердце сжалось. Из квартиры не доносилось ни звука, но Аркадий Леонидович точно знал: в этом мраке и тишине кто-то есть.

Он осторожно ступил вперед, выставив перед собой телефон. Синеватое свечение слабо рассеивало тьму. Маленькая квартира сразу стала похожа на огромный готический замок с привидениями: черные тени, призрачный свет, острые углы, стены и потолок скрыты тьмой и как будто исчезли. Аркадий Леонидович бесшумно вошел в кухню, оглянулся на коридор, а потом, медленно водя телефоном, внимательно осмотрелся: небольшой холодильник, раковина, над ней – сушилка с несколькими тарелками и чашками, плита, кухонный стол, подвесной шкафчик... Никого. Он подумал, пересилил себя и заглянул под стол, ожидая, что сейчас что-то ринется ему навстречу.

Пусто. Он разогнулся, и тут из комнаты послышался тихий звук, легкий, приглушенный смехок, словно кто-то сдерживал себя, чтобы не рассмеяться громче.

Желание выскочить из квартиры, из дома и побежать по улице куда глаза глядят было мгновенным и сильным. Аркадий Леонидович, ощущая тяжелый пульс во всем теле и шум в голове, тихо вышел в коридор и пошел к комнате.

«Сейчас оно выйдет навстречу», – подумал он.

Больше всего сейчас он хотел, чтобы на нем вновь оказались надеты защитные мешочки святых – ладан, соль, воск, освященные травы. Да и молоток бы не помешал.

В комнате никого не было. Спрятаться тут тоже было негде, разве что в платяном шкафу, но Аркадий Леонидович с мужеством отчаяния распахнул створки – ничего, кроме привычных вещей. Дверца шкафа чуть скрипнула, закрываясь, и в тот же миг в коридоре быстро простучали шаги, легкие, почти детские – кто-то стремительно пробежал к входной двери. Аркадий Леонидович, размахивая зажатым в потной руке телефоном, как мечом, бросился в коридор. Пусто. Только дверь почему-то была приоткрыта. Не рассуждая, не удивляясь, не пытаясь вспомнить, точно ли он задвинул засов, Аркадий Леонидович с силой рванул на себя

ручку, лязгнул затвором, шелкнул замком – одним, а потом еще и вторым, нижним, которым они обычно не пользовались, и привалился к двери спиной. Рука с телефоном опустилась вниз, и в тусклом свете экрана Аркадий Леонидович увидел что-то темное на полу, какое-то пятно...

Он присел на корточки и посмотрел.

На полу, протянувшись цепочкой следов, лежала комковатая, твердая грязь, похожая на мерзлую землю, и несколько подгнивших, высохших листьев.

20 сентября 20... г., воскресенье.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info)

Происшествия

«Вчера, 19 сентября, в субботу, около 20.00 на Северосумской ТЭЦ произошла авария, которая привела к массовому отключению электроэнергии. Полностью обесточенными оказались районы Рогатка, Заселье, Слободка, Тройка. В домах и на предприятиях погас свет, прекратилась подача холодной и горячей воды. Вследствие аварии остановилась работа вечерних смен на заводах «Созвездие», «Коммунар», в подразделениях транспортной компании «Лига» и других частных и общественных организациях. Городские больницы были срочно переведены на вспомогательные источники питания, что помогло избежать тяжелых последствий для здоровья пациентов. Подача электроэнергии сохранилась только в Городке, снабжение электричеством которого осуществляется с помощью независимых источников питания.

По имеющейся у нас информации, причиной аварии стало проведение работ на ОРУ (открытом распределительном устройстве), во время которых один из работников станции случайно уронил лестницу и произошло короткое замыкание. Защита по не известной пока причине не сработала, в результате чего полностью разрушилась одна из старых турбин, работавшая уже более полувека. Осколки попали в кабельную и водородную трассы. Возник пожар. Практически все кабельные трассы вышли из строя. Никто из сотрудников ТЭЦ не пострадал. Электроснабжение города было восстановлено только к утру воскресенья».

«Трагический инцидент произошел вечером в плавательном бассейне «Океан» во время отключения электроэнергии. В этот момент в самом бассейне и на территории спортивного комплекса находилось около 120 человек. Вследствие сбоя в электрической сети, осуществляющей управление системами обеспечения, открылись стоки коллекторов, и вода под большим давлением стала уходить из чаши бассейна. Мощным исходящим потоком к отверстию стока затянуло восьмилетнего Алексея П., занимавшегося плаванием в составе организованной группы. Темнота и возникшая паника помешали тренеру и спасателям заметить исчезновение ребенка и оперативно на него отреагировать, вследствие чего мальчик не смог самостоятельно выбраться из бассейна и погиб. По нашим данным, он являлся сыном преподавательницы математики школы № 1. Получить какие-либо комментарии от родителей погибшего ребенка не удалось.

Кроме того, в давке при выходе из спортивного комплекса пострадало не менее 15 человек, двое из них были госпитализированы с травмами различной степени тяжести».

Криминальные новости

«Поздним вечером субботы 19 сентября, воспользовавшись отсутствием света и отключением тревожной сигнализации, несколько неизвестных злоумышленников совершили ограбление супермаркета «В двух шагах» на улице Передовиков в районе Слободка. По словам продавцов и охранников, не менее семи-восьми человек ворвались в магазин, вооруженные битами и арматурой. Они нанесли телесные повреждения одному из охранников, кассиру

и двум продавцам, после чего похитили денежные средства из трех кассовых аппаратов, а также продукты питания и алкогольные напитки на неустановленную сумму. Кассир супермаркета Альбигоева Г. З., оказавшая упорное сопротивление грабителям, доставлена в больницу с множественными переломами и открытой черепно-мозговой травмой. Врачи оценивают ее состояние как критическое».

Новости культуры

«Большое интервью областному телевизионному каналу «Наши Регион» дала руководитель общества сохранения духовных традиций «Северная Веда» Кларисса Львова. В ходе полуторачасовой беседы с корреспондентом канала она рассказала о том, какое огромное значение имеет недавняя археологическая находка, сделанная на месте бывшей строительной площадки складского комплекса ЗАО «Лига». Госпожа Львова особенно подчеркнула важность этого открытия не только для Северосумска, но и для страны, а также для мира в целом. «Древнее святилище эпохи неолита – это настоящее место силы, где зарождались традиции и верования, составляющие основу современной духовности. Мы имеем уникальную возможность прикоснуться к своим корням, подключиться к мистическим энергиям, питавшим человечество задолго до возникновения так называемых официальных религий». Кроме того, госпожа Львова высказала опасение, что бывшие владельцы земли, на которой находится столь важный культурно-исторический объект, могут умышленно повредить святилище или попытаться обойти запрет на строительство, наложенный в рамках действующего законодательства, и продолжить возведение «бездушных железных ангаров, попирая своей жадностью наследие наших предков». Также лидер «Северной Веды» обратилась через телевидение с требованием открыть доступ к святилищу для поклонения и совершения в нем обрядов согласно «освященным веками традициям».

С полным текстом интервью Клариссы Львовой можно ознакомиться по ссылке: www.severosumsk.info/news/interview/klarissa_lvova_nash_region.

Глава 5

Грудь у Скворцовой были, конечно, выдающиеся и совершенно возмутительные: огромные, налитые молодой упругой силой, торчащие чуть в стороны и вперед – их даже приподнимать не нужно никаким push-up'ом, сами держатся. Сквозь туго натянувшуюся тонкую цветастую кофточку отчетливо проступала кружевная ткань лифчика и нагло выпирали крупные соски. Не груди, а сиськи какие-то, прости господи.

Светлана Николаевна Крупская оторвала взгляд от бюста Скворцовой и с усталой укоризной взглянула ей в глаза: большие, карие, томные, с бесстыжей поволокой.

– Лиля, – сказала Светлана Николаевна, – ты же понимаешь, что, кроме меня, тебе это никто не скажет. И ты так и будешь думать, что главное в жизни – это вывесить свои телеса на всеобщее обозрение.

Скворцова усмехнулась краешком ярких губ, вздохнула и подкатила глаза под густо накрашенные веки с неприлично длинными ресницами.

«Ну вот проблядь же, – раздраженно подумала Светлана Николаевна. – Это ей еще шестнадцать. А дальше что будет?»

Откровенно говоря, будущее Лили Скворцовой Светлану Николаевну не волновало ни в малейшей степени. Она и так знала, как сложится у той дальнейшая жизнь: окончит школу, лет в восемнадцать «по залету» выскочит замуж за какого-нибудь водителя или кладовщика, нарожает, растолстеет, перестанет за собой следить и годам к двадцати пяти превратится в жирную рыжую бабишу, склочную и, что скорее всего, еще и пьющую. Если уж плебейство в крови, так оно ни к чему иному привести и не может – а Крупская считала себя авторитетным экспертом в части определения, кто плебей, а кто может рассчитывать на присоединение к духовной и интеллектуальной элите общества, к каковой, без сомнения, принадлежала она сама. На вызывающую и вульгарную внешность этой девицы Светлане Николаевне тоже было бы наплевать, если бы не одно обстоятельство: в подобном виде та имела наглость расхаживать по ее, Крупской, школе, что являлось совершенно недопустимым.

Моя школа – мои правила.

Формально директором «единицы» была Екатерина Ивановна Капитанова, женщина почтенная, пожилая, отличник народного образования, приобретшая за десятилетия руководства учебным заведением пугливую осторожность, готовность к любым компромиссам и характерную учительскую беспринципность: неудивительно, если учесть, что за время ее трудовой деятельности директивные идеологические установки менялись несколько раз на диаметрально противоположные – не успеешь убедить саму себя в том, что белогвардейцы не враги трудового народа, а герои, доблестно умиравшие за Россию в борьбе с варварами-коммунистами, как раз – ветер снова переменялся, и приходится критиковать белое движение за близорукость и предательство, попутно смягчая, как только можно, рассказы о большевистском терроре и сталинских репрессиях. От всего этого здоровье Екатерины Ивановны год от года слабело все больше и больше, так что в школе она появлялась, только когда требовалось исполнение представительских функций, а реальное руководство взяла на себя заведующая по учебно-воспитательной работе Светлана Николаевна Крупская. Собственно учебная работа была ей, правда, неинтересна, а вот воспитательная – о, к ней она чувствовала настоящее призвание. Все – и преподаватели, и ученики – знали, что избежать бесед с пристрастием по поводу морального облика, манеры вести себя или одеваться можно только принятием догмата о нравственной непогрешимости Крупской, мирным согласием с ее мнением и покорным выполнением требований. Судьба несогласных была незавидной. «Ее нельзя судить строго, она бедная, больная женщина, – говорила Светлана Николаевна о строптивой молодой учительнице химии и биологии. – Знаете, у нее ведь адипозо-генитальный синдром: нимфомания,

постоянное сексуальное возбуждение, неразборчивость в половых связях. Кажется, недавно она даже лечилась от чего-то такого... нехорошего». Несчастной преподавательнице чудом удалось избежать после этого развода с мужем, хотя трещину в семейной жизни пришлось латать еще долго, но из школы она была вынуждена уйти, более того – даже из Северосумска уехать. Город-то маленький. Уволившаяся весной учительница истории, имевшая неосторожность заступиться за нескольких девочек из девятого класса, где была руководительницей, отделалась легче: получила только слухи о нетрадиционных сексуальных наклонностях, что по нынешним временам не так страшно, и о том, что регулярно посещает лесбийские вечеринки в Михайловске. Из города уезжать не пришлось, но школу она сочла за благо сменить, не дожидаясь окончания учебного года.

С учениками было одновременно и проще, и сложнее. С одной стороны, легко было вызывать восхищение, пребывая в образе носительницы истинных ценностей русской интеллигенции: сиди себе на уроке в кресле, закинув ногу за ногу, и многозначительным тоном вещай о духовности в творчестве Тургенева и Гончарова. Умные мальчики и чувствительные девочки внимали и трепетали. С другой – невозможно было применить к строптивым по-настоящему жесткое психологическое воздействие, и следовало выбирать выражения: все дети тут были из приличных семей, и ответ мог последовать неприятный. Приходилось сдерживаться. Папа Лили Скворцовой, например, был начальником уголовного розыска Северосумска. Так что как ни хотелось Светлане Николаевне поинтересоваться: «Что, не все еще стенки в подворотнях спиной обтерла?», нужно было выбрать другие слова. Она еще раз глубоко вздохнула, обозначая глубокую скорбь, и сказала:

– Я уверена, ты не хочешь, чтобы тебя оценивали только по внешнему виду. Может быть, это твой богатый внутренний мир так выпирает из-под кофты, я не знаю, но выглядит он как демонстративно выставленные...

«Сиськи. Бесстыжее вымя».

– ...Грудь, – справилась с собой Крупская.

Скворцова перекатила во рту жевательную резинку, посмотрела на Крупскую и сказала скучающим голосом:

– Я нормально одета, Светлана Николаевна, никаких вырезов, ничего открытого, как вы и говорили. И у меня богатый внутренний мир. Можно идти?

Хитрая рыжая девка действительно перестала надевать расстегнутые едва ли не до пупа тесные рубашки после того, как Крупская сделала ей замечание в прошлый раз, но зато втиснулась в кофту, которую носила, наверное, в первом классе, и в узкую юбку, едва не лопающуюся на бедрах и круглой заднице.

– Ты могла бы носить что-то более свободное. – Крупская откинулась в кресле, давая оценить собственный стиль одежды. – Что-то достойное приличной девушки, а не...

«Малолетней потаскухи. Сучки в течке».

Слов не нашлось, так что Крупская просто оставила фразу незаконченной, вопросительно глядя на Скворцову.

– Как вы одеваться, да? – ехидно осведомилась та.

Светлана Николаевна и сама была женщиной с формами, только ее формам было уже почти сорок лет, и за это время они закономерным образом потяжелели, пообмякли и пообвисли, так что приходилось драпировать их просторным и длинным.

– Спасибо, мне пока не нужно такое носить.

Крупская почувствовала, как ярость красной волной накатывает на глаза. В сгустившейся тишине загрохотал оглушительный трелью школьный звонок.

– Мне на урок пора, Светлана Николаевна, – сообщила Скворцова.

Та устало махнула рукой, как человек, сознающий невозможность в одиночку противостоять порокам мира.

– Иди. Но я не знаю, как с такими нравственными установками ты хочешь иметь по русской литературе четверку, на которую претендуешь.

Лиля пожала полными плечами и вышла из кабинета, крутанув на прощание задницей.

– Сука, – выдохнула Светлана Николаевна, когда дверь за девочкой закрылась. – Дрянь. Все настроение испортила.

На столе зазвонил местный телефон.

– Да, слушаю!

– Светлана Николаевна, это Лапкович, – зазвучал в трубке женский голос. – У седьмого класса будет замещение на последнем уроке или можно их домой отпустить?

Крупская поморщилась. За важными воспитательными занятиями она совсем забыла о преподавательнице математики, которая слегла в больницу после гибели сына в субботу. Досадное происшествие пробило серьезную брешь в расписании, и закрывать ее приходилось с трудом: других математиков в школе не было. Светлана Николаевна потянулась к графику работы учителей, пробежала его взглядом и ответила:

– Да, я историю поставлю шестым уроком. Кстати, Аркадий Леонидович в учительской? Скажите, чтобы зашел ко мне.

Причинно-следственные связи порой бывают причудливы, особенно в том, что касается внутренней мотивации, мыслей и чувств. Крупская и сама бы себе не призналась, что грудастая Лиля Скворцова так раздражает ее не в последнюю очередь потому, что в школе появился преподаватель истории Аркадий Леонидович Майзель.

Мужчина в школе вообще редкость. В «единице», например, до начала этого учебного года единственным представителем сильного пола являлся учитель физкультуры, бывший мичман военно-морского флота: лет семидесяти с небольшим, краснолицый, седой, без трех пальцев на одной руке и ростом на полголовы ниже Крупской – а она уж точно не из долговязых моделей. И тут такое явление: из Петербурга, преподаватель университета, кандидат наук. Разумеется, Крупская ответила восторженным и быстрым согласием на его вопрос о работе, едва взглянув на документы, но даже и без научной степени и преподавательского опыта – черт, даже без диплома о высшем образовании! – она бы приняла его к себе в школу без раздумий. Аркадий Леонидович был настоящим мужчиной, высоким, сильным, спокойным, с фактурной внешностью, брутальности которой придавала бритая налысо голова, – при взгляде на него кончики пальцев у Крупской холодели, а внизу живота разливался влажный жар. То, что он жил с какой-то там девицей, Светлану Николаевну несколько не смущало. Она видела их вместе пару раз в городе, летом: ничего особенного, маленькая, темненькая, носатенькая, висела на руке у Аркадия Леонидовича, как девочка, вышедшая на прогулку с отцом. О том, что она может конкурировать с обаянием и харизмой настоящей женщины, к тому же умной, тонкой и образованной, и речи не шло. На два летних месяца Светлана Николаевна выпустила нового историка из виду, но с сентября взялась за дело. Для начала она провела профилактику возможной конкуренции: Светлана Николаевна была уверена, что не только ее бросает при виде Аркадия Леонидовича в жар и в холод. Она специально то и дело останавливала его посреди коридора, подолгу беседуя на виду у всех и нарочито громко смеясь; как бы в шутку, по-дружески, брала под руку, когда вместе с ним шла в столовую, часто приглашала к себе в кабинет, а в разговорах с такими же одиночками, как и сама Крупская, коллегами, то и дело вставляла «мы с Аркадием обсуждали...», «мы с Аркадием говорили о...», «мы с Аркадием собираемся...», чтобы ни у кого не оставалось сомнений – она с историком – это «мы». И пусть только кто сунется. В итоге другие учителя предпочитали здороваться с Аркадием Леонидовичем издали и не подходить на расстояние вытянутой руки. Сама же Светлана Николаевна, напротив, расстояния как могла сокращала, игнорируя всякие представления о личном пространстве: при каждом удобном случае касалась историка то грудью, то бедром, будто невзначай, увлекшись беседой, брала за руку, клала ладонь на плечо – пока, впрочем, безрезультатно. Это ее не огор-

чало, напротив, только укрепляло в решимости и в осознании верности выбора: настоящий мужчина не станет при первых же знаках внимания хватать за задницу и тащить в темный угол; за него нужно побороться. Вот она и боролась.

Естественно, что при таком положении дел раньше времени созревшая Лиля Скворцова бесила особенно сильно. Да, кроме нее в школе было немало смазливых девчонок – старшая Зотова, например, со своими подружками – но все они были тонконогими вертихвостками, привлекательными разве что для своих сверстников да для заезжих педофилов, а не для взрослых, нормальных мужчин. А в Скворцовой было что-то такое, что нравится именно *мужикам*, и терпеть это было нельзя. Мало ли что, в самом деле. Выставит свои бессовестные сиськи, тряхнет рыжими волосами, стрельнет карим, чуть скошенным глазом – и испортит Крупской игру. Ну да ладно, придумается что-нибудь. Можно, например, вызвать папу и сказать, что школьный охранник жалуется на домогательства. Или еще лучше: поссорить с дочкой мэра, старшей Гловой из одиннадцатого класса. «Ирочка, а какие у тебя отношения с Лилей Скворцовой? Хорошие? Так странно, я вот тоже думала, что вы дружите, а она про тебя сказала, что...» И пусть разбираются. А еще можно было бы...

В дверь постучали. Крупская быстро одернула блузку, расстегнула на ней пару пуговиц, чуть приподняла длинную юбку, поправила легкий цикломеновый шарфик на шее и нежно пропела:

– Войдите!

– Добрый день, Светлана.

Какой все-таки мужик красивый: в костюме всегда, широкоплечий такой – в маленьком кабинете даже как будто стало темнее, уютнее и теплей.

– Аркадий, привет! – Крупская улыбнулась самой обаятельной из своих улыбок. – Садись. Ты же не спешишь куда?

Историк покачал головой и присел на скрипнувший стул.

– Слушай, мы теперь без математика остались...

– Да. Жуткая история. Очень жаль мальчишку.

Светлана Николаевна изобразила на лице сочувствие.

– Ужас, просто ужас. Я весь день себе места не нахожу, такое несчастье, такая беда...

Она скосила глаза: Аркадий Леонидович молча смотрел на нее, ожидая продолжения разговора.

– Так вот, – сказала она, быстро закончив скорбеть, – сможешь сегодня заместить математику у седьмого класса? У тебя как раз нет шестого урока, а мне поставить некого.

– Да, без проблем, – согласился историк.

– Вот и отлично! – обрадовалась Светлана Николаевна. – Если ты не против, я вообще все твои «окна» закрою заменами, ладно? Пока нового математика не найдем. Там общее количество часов еще на половину ставки наберется.

– Спасибо, это будет очень кстати.

Аркадий Леонидович сдержанно улыбнулся.

– Слушай, вот что еще хотела с тобой обсудить, – Крупская чуть понизила голос и как можно грациознее нагнулась вперед, демонстрируя мятую складку между грудой. – В Михайловске в конце этой недели будет двухдневный семинар для преподавателей истории и литературы, называется «Современные духовные основы обучения гуманитарным наукам». Мне кажется, очень интересно. Я точно поеду, но есть еще одно место. Проезд, гостиницу, питание двухразовое оплачивает Комитет по образованию. Хочешь со мной?..

Историк задумался.

– А когда именно этот семинар?

– В субботу и воскресенье, курс выходного дня. Я знаю, у тебя уроки в субботу, но я придумаю что-нибудь, как-то компенсирую... так как?

– Мне надо с Кариной посоветоваться, – ответил Аркадий Леонидович.

Крупская сделала удивленные глаза.

– С Кариной? А, это девочка, с которой ты живешь... не сообразила сразу.

– Моя подруга, – твердо сказал Аркадий Леонидович.

Светлана Николаевна прекрасно знала, что историк не женат официально – изучила его паспорт при оформлении. Но сейчас специально изобразила забывчивость и назвала Карину «девочкой» – было очень важно, как ее назовет сам Аркадий. Мог бы и «жена» сказать, мало ли, что не расписаны. Но сказал «подруга». Неплохой знак.

– А тебе нужно у нее разрешение спрашивать? – продолжала удивляться Крупская.

Ответом был твердый, прямой взгляд. Светлана Николаевна прикусила язык. Кажется, перегнула немного.

– Нет, не нужно. Но Карина работает сменами, мы не так часто бываем вместе. И если в субботу у нее выходной, то я предпочел бы провести этот день в кругу семьи.

Он встал.

– Света, я пойду: мне нужно к уроку у седьмого класса готовиться, я его не планировал сегодня.

Крупская изобразила улыбку, понимая, что та получается довольно кислой, и как можно бодрее ответила:

– Да, конечно, иди! А про семинар подумай, это может быть очень интересно!

Последние слова прозвучали уже в закрытую дверь.

* * *

– Ну, что будем делать, пацаны? – спросил Рома.

Все молчали. Вопрос этот – «что делать?» – два дня не выходил у всех четверых из головы, но ответа на него не находилось. А еще им было страшно. То, что их высказанные в шутку желания исполнились, то, что смеха ради проведенный обряд сработал, было само по себе жутковато. Но по-настоящему страшным было то, как это сработало. В способе исполнения желаний чувствовалась какая-то свирепая, избыточная сила, одним махом погрузившая город во тьму, походя убившая ребенка и искалечившая, прямо или косвенно, несколько человек. Так ответ на вопрос «что теперь с этим делать?» был вовсе не очевиден.

Утром в понедельник, придя в школу, они едва поздоровались. На лбу у Даниила красовался огромный кровоподтек, у Макса под глазом расплылся синяк. Женя все время дергался и постоянно облизывал губы. Рома был внешне спокоен, но казалось, что все мышцы его находятся в напряжении, спина неестественно выпрямлена, а когда он слышал – постоянно слышал – возбужденные, взволнованные разговоры о погибшем сыне учительницы математики, то опускал глаза и стискивал зубы. «Ты как?» – «Нормально, а ты?» – «Тоже». – «Соберемся?» – «Да, после уроков».

Даниила пришлось подождать: понедельник был первым днем подготовки команды для олимпиады по истории, в которую он так опрометчиво записался на прошлой неделе. Вообще-то, в его планы входило вежливо отказаться от участия, но в свете последних событий Даниил решил на дополнительные занятия все же сходить. Заодно, может быть, и спросить кое-что у историка, коль скоро сам заявил своим интересом тему неолита.

Было действительно интересно. Аркадий Леонидович понравился ему еще больше: рассказывал увлекательно, даже смешно иногда, так что Даниил забыл на какое-то время о том вопросе, для решения которого ждали его друзья. И с девчонками получилось общаться как-то совсем иначе, чем раньше: смотрели они на него с интересом, слушали, когда он говорил, сами говорили разумные вещи – в общем, вели себя, как взрослые девушки, а не шептались, глупо хихикая и кривляясь. Но надолго забыть о другом, более важном деле не удалось.

– Итак, Даниил, что именно вас интересует в культуре неолита? О чем будете писать реферат?

– Меня интересует религия, – немного замямвшись, ответил он. – Ну, обряды там всякие...
Культы.

– Культы, – задумчиво повторил Аркадий Леонидович. – Что ж, давайте я кое-что расскажу вам в общих чертах, а подробности вы попытаетесь найти самостоятельно. Главное, что вам нужно понять: «культ» и «культура» не зря являются словами однокоренными; каков культ – такова и основанная на нем культура, но порой верно и обратное – уровень развития культуры определяет характер культа. Это похоже на то, как личность человека влияет на его судьбу: все ошибки или, наоборот, верные решения, все вызванные ими драматические повороты в жизни, успехи или неудачи определяются особенностями личности человека – той самой личности, которая формируется культурой, основанной на каком-либо культе...

Даниил слушал очень внимательно.

Парни сидели рядом на деревянной скамейке у кабинета истории и молча ждали. Когда Даниил вышел, так же молча, не сговариваясь, поднялись на четвертый этаж: там были классы младшей школы, и сейчас, в половине четвертого, рекреация этажа и коридоры пустовали; дети давно разошлись, учителя – тоже, остался только особый детский запах, похожий на смесь ароматов кипяченого молока, сопливых носовых платков и потной сменной обуви. Мальчишки прошли, опасливо оглянувшись, мимо двери кабинета завуча Светланы Николаевны, минули коридор и свернули в небольшой закуток около туалета. Бросили сумки и рюкзаки на пол, Рома и Даниил уселись на подоконник, Макс привалился к стене рядом с фонтанчиком для питья, в который кто-то успел запихнуть огрызок яблока, Женя потоптался немного и сел на свою сумку.

– Так что будем делать? – спросил Рома.

Ответом была неловкая тишина. За окном рвался в разные стороны ветер, небо мрачно нахмурилось, потемнело, обещаая вслед за дождями скорые снегопады. С деревьев во дворе школы непогода уже грубо сорвала почти все листья, безжалостно обнажив кроны, и голые ветки раскачивались, как голые тощие руки, словно деревья в отчаянии размахивали ими, умоляя пустить внутрь и спасти от наступающих холодов – а то и от чего-то похуже. От особенно сильного порыва ветра на крыше что-то загремело, будто по пустой бочке ударили железным ломом. Все вздрогнули.

– Я Комбату колено сломал, – сообщил Макс. – Не хотел, так получилось. Когда свет погас, он остановился и не среагировал.

– А синяк у тебя откуда? – поинтересовался Рома.

Макс помрачнел.

– Я вчера к нему в больницу ходил, ну, извиниться, все дела. А там брат его, старший, Марат. Он весной из армии вернулся, на «Коммунаре» работает. Такой, лютый. Увидел меня и даже слова сказать не дал. В палату не пустил и вот... попал, в общем, в глаз.

Рома кивнул.

– Понятно. Но Комбата ты, выходит, все-таки завалил?

Макс неуверенно пожал плечами.

– Выходит, так.

– Хорошо. Жека, у тебя как дела с этими НР или чем там еще? Получилось?

Женя невесело усмехнулся.

– Ну, как бы да, но как бы и нет. Набить-то я набил действительно больше всех, но замок все равно не взяли, так что без выигрыша. Но если ты про желание, то да – как заказывал, все точно.

Даниил подумал, что Жеке, наверное, сейчас легче всех: от его виртуальных баталий никому не было ни жарко ни холодно. Никаких сломанных коленей. Никаких утопленников. Он вспомнил про судорожно сучащую руками и ногами тень на дне бассейна и поежился.

– Как у нас с Петровичем дела обстоят, всем понятно, – попытожил Рома. – Бассейн закрыт, контрольной нет.

– И пацан утонул, – негромко добавил Даниил.

Рома напрягся, но отвечать не стал.

– В связи с этим давайте решать, – продолжил он, – что будем со всем этим делать?

Макс снова пожал плечами.

– Да ни хера не делать. Забыть. Ну его на хрен, – и отвернулся.

Рома повернулся к Жене.

– Ты чего скажешь?

Тот почесал толстыми пальцами сальную шевелюру, осыпая перхотью ворот темного пиджака, подумал немного и спросил в ответ:

– А какие есть варианты?

– Понятно. Петрович, твое мнение?

– Забыть, – быстро ответил Даниил. – Вообще не ходить туда больше. Я с Максом согласен.

– Ну, если вам всем ничего не надо, – медленно сказал Рома, – то ладно. Один пойду. Прямо сегодня.

Он думал над этим все воскресенье и почти всю ночь понедельника, сидя на кухне за ноутбуком. Машинально рисовал картинки; писал комментарии, не задумываясь особо о смысле, так что в конце концов от рассеянности перепутал и написал сообщение в женском роде от мужского лица – пришлось стирать комментарий и удалять скомпрометированный аккаунт. Думая о своем, зашел на любимый сайт, специализирующийся на публикациях без цензуры фотографий и видеороликов с жертвами насилия и катастроф, и пару часов смотрел на сцены казней, взрывы, расчлененные трупы – но то, что обычно вызывало хоть какой-то интерес, сейчас не цепляло. Раз за разом снова высчитывал, сколько еще нужно денег на квартиру в Северосумске, сколько – если переехать в Михайловск, какая сумма потребуется на образование, а какая – если он решит начать свое дело, ну, например, открыть дизайн-студию. Мама давно спала, за стеной угрюмо храпел дед, и в конце концов Рома тоже выключил компьютер и осторожно пробрался в комнату к своему креслу-кровати. Раздеваясь и укладываясь в постель в кромешной, непроницаемой тьме, он вспоминал, как в раннем детстве мечтал найти лампу с джинном, или поймать волшебную щуку, или, на худой конец, раздобыть шапку-невидимку, в которой можно ходить по городу и брать все, что вздумается. Потом мечты стали менее сказочными, но от этого не более реальными: например, найти в кустах чемодан с миллионом долларов. Он даже представлял себе обстоятельства, которые могут привести к такой находке: грабители банка, уходя от погони, припрятали чемоданчик с деньгами, чтобы вернуться за ним через несколько часов, а тут он, Рома, в нужное время и в нужном месте, раз – и все, нет больше никаких проблем у него в жизни. А теперь вот оно: и лампа, и щука, и чемодан – все в одной яме, выложенной древним камнем. Все что хочешь – только поприси.

Под утро он забылся легким, беспокойным сном, в котором вокруг летали стаи каких-то серых птиц; Рома пытался поймать их, но не мог.

– Решено, – повторил он, будто убеждая самого себя. – Пойду один, а вы как хотите.

– Ничего не выйдет, – тихо сказал Даниил.

– Что?

– Я говорю, не получится у тебя ничего, если один пойдешь, – произнес он громче.

– Это почему?

Даниил вздохнул, снял очки, протер их пальцами, как всегда делал, когда требовалось собраться с мыслями, и попытался объяснить:

– Как сказать... то, что получилось, оно не просто так получилось. Понимаешь? Мы что-то сделали, случайно, и это сработало. Ну вот как если бы обезьяна нашла ружье и нажала на спусковой крючок. Ружье бы выстрелило, но повторить выстрел обезьяна бы не смогла, если бы не сообразила, как перезаряжать и стрелять.

– Сам ты обезьяна, – беззлобно прокомментировал Рома. – Можешь нормально сказать?

– погоди, я понимаю, кажется. – Женя внимательно посмотрел на Даниила. – То есть это сработало, потому что мы не просто попросили, а еще сели на те камни, да?

– Ну, почти, – согласился Даниил и стал вспоминать то, что рассказал ему сегодня Аркадий Леонидович. – Вышло так, что мы провели обряд. Странно звучит, но тем не менее. Собрались вчетвером, призвали Мамочку, стихи эти сочинили дурацкие. И это подействовало. Значит, нужно в точности все повторить: прийти туда вчетвером, сесть так, как сидели, поставить изображение Мамочки на камень, даже снова сказать все слова, желательно в таком же порядке, как в прошлый раз. И тогда все сработает. Основа любого религиозного ритуала – повторяемость. Если, конечно, это не просто случайность.

– Что, и стихи про сиськи и жопу будем читать? – усмехнулся Макс.

– Блин, а я их забыл! – покачал головой Женя.

– Я помню, – успокоил их Даниил. – Такое не забывается. Кроме того, важным является время проведения ритуала: мы там были в пятницу, вот в пятницу и нужно теперь собираться снова, причем в то же время, около половины одиннадцатого.

– Ну вот, Петрович, можешь же все объяснить! – сказал Рома. – Значит, идем к яме в пятницу, да?

Снова повисла тишина.

– Да бля, пацаны! – взорвался Рома. – Вам реально ничего не надо, что ли?! Понятно, Петрович – у него и так все хорошо по жизни. Жека, у тебя что, нет никаких желаний?

– Есть, – отозвался Женя, подумав.

– Ну вот! Макс, а у тебя?

Макс наморщил лоб. Вообще-то, если честно, никаких особенных желаний у него не было, но выглядеть дураком не хотелось. Его и так считали недалеким.

– Есть, – заверил он. – Как не быть.

– Ну так в чем дело тогда? Да, сын у математички утонул, жалко, но вот честно скажите: вам не пофиг? Ну вот если с одной стороны – любое желание можно исполнить, а с другой – какой-то левый пацан умрет, вам не пофиг будет?

– Лично мне реально пофиг, – сказал Женя.

– Да и мне, – неуверенно ответил Макс.

Рома посмотрел на Даниила. Тот отвернулся и промолчал. Деревья за окном продолжали махать ветками, и сейчас казалось, что они не просятся внутрь, а предупреждают о чем-то, как человек, который бежит навстречу поезду рядом с поврежденным участком путей и крест-накрест машет руками. «Стой! Стой! Опасность!»

– Я сам чуть в этом бассейне не сдох, – заметил Даниил.

– Но не сдох ведь? Петрович, вот ты все знаешь, – продолжал Рома. – Может быть, такие косяки случились, потому что мы чего-то не сделали? Ну, чтобы настоящий ритуал получился? Мы же просто дурака валяли.

Даниил подумал.

– Ну, настоящие обряды были немного сложнее. Нужно бы кое-что добавить... Маски, например. Историк сегодня рассказывал, что древние люди во время совершения обрядов надевали маски, а еще брали себе на это время другие имена. Это потому, что обычные люди

не могут общаться с богами и духами, а когда надеваешь маску, то становишься другим. Не человеком.

– Круто! – воскликнул Женья. – Я себе имя возьму, как в Warriors World! И маску орка сделаю!

– Вообще-то, лучше назваться каким-нибудь животным, – заметил Даниил. – Твоих прозвищ сетевых Мамочка может не одобрить. И над текстом молитвы нужно еще поработать, добавить кое-что.

– Да, добавь, отлично! А еще?

– Ну, изображение Мамочки у нас есть, – рассуждал Даниил. – Планшет поставим, как в первый раз. Время, место, последовательность действий, маски, имена... а, вот: нужна еще жертва. А то получается, что мы у Мамочки только просили, а взамен ничего не дали.

– А какая жертва? – поинтересовался Женья.

– Что-то ценное: обычно это была еда, часть добычи или улова, но наиболее высоко ценилась человеческая жертва, потому что... – Даниил увидел взгляд Ромы и осекся.

– Есть какие-то предложения по этому поводу? – спокойно спросил тот.

Наступила нехорошая тишина.

– Слушайте, это же я просто сказал о том, как было в каменном веке, совершенно обязательно, чтобы... – торопливо заговорил Даниил, но тут Женья неожиданно подскочил и закричал:

– У меня! У меня есть идея! Я знаю, кто будет жертвой!

Глава 6

Ворота, ведущие на огражденную часть бывшей стройплощадки «Лиги», охраняли двое молодых полицейских. Не то чтобы они так уж много повидали за несколько лет службы, но достаточно для того, чтобы уметь не сочувствовать, не суетиться по пустякам, не удивляться и не беспокоиться или, во всяком случае, не показывать беспокойства. Но сейчас было из-за чего разволноваться. Не каждый вечер такое увидишь. Хорошо еще, что их тут двое. Не так страшно.

– Какая-то нездоровая херня, – пробормотал сержант Ярыгин, глядя в ненастную тьму через покрытое мелкой изморосью окно сторожевого поста.

Ярыгин до службы в армии и работы в полиции успел окончить педагогический институт по специальности «русская филология и культура», а потому обладал воображением, развитым немного более, чем нужно для сотрудника правоохранительных органов.

– Что это такое, как думаешь? – спросил он и передернул плечами.

Старшина Дегтярев, который был старше и мудрее на полтора года, мрачно плюнул на грязный пол сторожевой будки, надел форменную кепку и ответил:

– Это проблемы, Гриша. Позвони в отдел, пусть помощь пришлют. А я выйду.

Открылась и снова захлопнулась дверь, как рот, жадно хвативший холодного свежего воздуха. Дегтярев, щурясь от ветра, отпер замок на воротах, с усилием приоткрыл одну створку и протиснулся наружу.

За железным забором тугой ветер рвал воздух, толкал в бок, хлестал по глазам, угрожающе выл басом среди черных деревьев близкого леса. Ураганные порывы накатывались, как волны, со стороны скрытого непроницаемым мраком моря, и казалось, что невидимые канаты сдерживают рвущийся к берегу шквал, который, будто взбесившийся цепной пес, в ярости бросается вперед, натягивая гудящую, как струна, цепь. Со стороны города, из темноты, к воротам медленно двигались огни: около двух десятков, синеватых, белых и желтых, вытянувшихся в две неровные цепочки. Дегтярев топтался в ярком пятне света от направленного на ворота прожектора, рефлекторно сжимал рубчатую рукоять дубинки на поясе и ждал.

– Все, вызвал, – сообщил Ярыгин, натягивая пониже кепку и становясь рядом. – Скоро приедут.

– А что сказал? – любопытствовал Дегтярев.

– Что у нас внештатная ситуация и требуется помощь.

– Вот и молодец.

Ярыгин посмотрел вперед, на приближающиеся огни.

– Я просто не знал, как это описать.

Из тьмы, тускло освещенные направленными вперед лучами фонариков, стали вырисовываться фигуры: все в черных дождевиках с капюшонами, под которыми бледными пятнами маячили лица. Впечатлительному Ярыгину это зрелище показалось похожим на шествие последователей сатанинского культа или жутковатую похоронную процессию, провожающую на дальний погост тело злобного колдуна, – так, по крайней мере, это выглядело в его любимых фильмах и книжках. Люди приблизились к воротам и выстроились полукругом на границе светового пятна от прожектора, будто боясь покинуть укрывающую их тьму. Вперед шагнула высокая, тонкая женская фигура; взметнулись вверх бледные руки, откинув капюшон плаща, темные провалы глаз уставились на патрульных, ветер подхватил длинные черные волосы, взметнув их зловещим облаком. Женщина воздела ладони к бурному небу и громким, пронзительным голосом провозгласила:

– Я духовный наставник общества «Северная Веда»! Мы требуем дать нам пройти к святыню!

Должно было получиться эффектно. Кларисса Львова скосила глаза на укрытого вместе с камерой большой прозрачной накидкой оператора и корреспондентку канала «Наш Регион» – та показала большой палец и энергично закивала головой. Значит, картинка хорошая. Только бы водостойкая косметика не подвела – Львова уже чувствовала, как лицо покрывается холодной липкой моросью от свирепого дыхания моря. Она осторожно поправила волосы, чтобы длинные черные пряди не налипли на лицо, и торжественно скрестила руки на груди – тоже шикарный жест, который, как и воздевание рук, она тщательно отрепетировала перед зеркалом.

Старшина Дегтярев, вздохнув с облегчением от того, что ситуация стала приобретать реальные черты и перестала быть похожей на какую-то чертовщину, шагнул вперед и произнес тем скучным голосом, что идеально подходит для озвучивания протокольных фраз:

– Граждане, вы находитесь на границе охраняемой территории, куда запрещен вход посторонним лицам. Прошу вас разойтись и не мешать проведению мероприятий по несению караульной службы.

– Мы имеем право видеть объект культурного наследия и поклониться древним святыням! Вы не можете нам запрещать!

Львова вскинула руку, люди вокруг загудели на разные голоса, раскачивая фонариками в руках, и чуть подались вперед.

– Слышь, Ярыгин, отойди за ворота и закрой их на замок на всякий случай, – негромко сказал Дегтярев.

Сержант кивнул и поспешно скрылся в темной щели между створками.

Кларисса Львова оглядела свой небольшой батальон и удовлетворенно улыбнулась. Молодцы, ведь почти все пришли, несмотря на вечер пятницы и отвратительную погоду! И Наталья Ивановна, пожилая библиотечарша, хоть она уже пенсионерка и у нее большая спина; и Анечка, которая могла бы сейчас, как обычно, выпивать уже третий коктейль в «Селедке» и строить глазки мужикам; и до изнеможения изношенная жизнью и провинциальной сценой актриса драмтеатра Карельская – вот она, размахивает фонарем и возмущается в голос; и даже сторож Степан Аркадьевич поменялся сменами, чтобы прийти, и принес с собой огромную старую лампу «летучая мышь». Раньше о такой массовой явке членов «Северной Веды» можно было только мечтать; но, с другой стороны, и такого шикарного повода раньше не было.

Львова твердо знала законы медийного пространства: если не напоминать о себе, не создавать событий, в идеале, скандальных, не присутствовать постоянно в новостях – если уж не в телевизионных, то хотя бы в лентах социальной сети, – то считается, что тебя как бы нет. Когда Львова вернулась в Северосумск из Москвы после крайне неудачного развода, который не принес ей ничего, кроме унижительно маленьких отступных, и переквалифицировалась из содержанок в духовные лидеры, она только тем и занималась, что пыталась привлечь к себе внимание. Самым удачным в этом отношении оказался «Фестиваль ведьм», который она провела весной прошлого года вместе с парой единомышленниц из Михайловска: Вальпургиева ночь, пригорок у леса, каковой она тоже провозгласила «местом силы», – ну и возрождение традиций, как же без этого. Гостям фестиваля предлагалось попробовать варево из котла на костре, поучиться управлять метлой, «очистить мысли», «улучшить энергетику» – в общем, все как всегда. Народу было немного, зато удалось договориться с руководством двух школ, которые привезли на этот праздник жизни учеников младших классов. Все бы прошло незамеченным, как и другие инициативы Львовой, вроде Моления Морю на прибрежной песчаной полосе или Ярмарки Оберегов в Доме культуры, но пришла помощь откуда не ждали: настоятель храма Бориса и Глеба неожиданно резко высказался в адрес ведьминского шабаша, направил жалобу в администрацию города и даже района, так что в итоге на фестиваль прибыла съемочная группа того самого канала «Наш Регион». Казалось бы, дело пошло, но нет, больше ничего интересного придумать не получалось. Хуже того, последователи «Северной Веды»

начали терять энтузиазм и манкировать собраниями и общими мероприятиями: на утренние Моления собиралось все меньше желающих мерзнуть на пронзительном ветре и мочить ноги в мокром песке; семинары по личностному развитию теряли слушателей; две книги Львовой – «Жить долго и счастливо» и «Духовные методы привлечения денег», которые она пыталась продавать на своих лекциях, расходились из рук вон плохо.

И тут такая удача. Львова ушам своим не поверила, когда раздался телефонный звонок и ей сказали о том, что следующей ночью будет сделана уникальная археологическая находка, что на строительной площадке выколют из-под земли древнее капище времен неолита. Даже если бы не настойчивая просьба звонившего не оставить сей факт без внимания и обеспечить информационную поддержку, Львова бы и сама сообразила, как распорядиться таким шансом.

Все-таки связи решают все.

Вдалеке засверкали синие проблесковые маячки полицейских машин. Что ж, это тоже было запланировано. Разумеется, Львова и не рассчитывала на то, что ей и ее людям дадут пройти к раскопу – случись такое, пришлось бы импровизировать и придумывать на ходу, что там делать. Но патрульные автомобили и хмурые полицейские в форме должны были придать новостному репортажу дополнительную остроту и драматизм. Не просто «Последователи общества «Северная Веда» пытались пройти к святилищу времен неолита», а «...были разогнаны полицией при попытке совершить поклонение». Звучит гораздо интереснее. Время вечера пятницы тоже выбрано не случайно: у события были шансы попасть в итоговые воскресные новостные выпуски недели, а потом еще в обзоры утра понедельника, когда офисные работники, проклиная судьбу, выходят на работу после выходных и первым делом принимают за чтение новостей в социальных сетях. Вначале Кларисса даже хотела устроить факельное шествие, но подумала, что это может вызвать ненужные негативные ассоциации, да и дождь с ветром не способствовали реализации идеи, и она с сожалением от нее отказалась. Жаль, конечно, что никто не будет действительно разгонять ее людей силой или тащить саму Львову в «автозак» – Северосумск все-таки не Москва. Но несколько насыщенных эмоциями кадров сделать получится.

Львова повернулась в сторону десятка темных фигур в полицейской форме, идущих к воротам, у которых держал оборону от пожилых библиотечарш, учительниц и сторожей несгибаемый Дегтярев.

– Алёна, снимаете? Вот сейчас, как полиция подойдет, попробуйте крупные планы.

– Все в порядке, Кларисса, работайте, уже хороший материал получается, – заверила ее корреспондентка Алёна, и Львова, высоко подняв голову в капюшоне, шагнула навстречу полиции – то ли леди Макбет, то ли Мортиша Аддамс.

Впереди, недовольно отдуваясь и то и дело вытирая толстой ладонью круглое лицо, шел сам начальник полиции Михальчук. Неприятный сюрприз: Львова думала, что приедут несколько человек из ближайшего отделения, может быть, какой-нибудь капитан или даже майор, с которыми можно будет пререкаться и спорить, но уж никак не ожидала увидеть Михальчука.

– Привет, Клара, – устало сказал он. – Я-то думаю, кто тут моих парней напугал. А это ты.

Львова краем глаза уловила свет фонарика телевизионной камеры, приосанилась и громко сказала:

– Да, это я! И мы пришли сюда заявить наше право на поклонение духовному наследию предков!

– Понятно, – отозвался Михальчук. – Пойдем в машину, поговорим.

Львова поколебалась немного, потом показала оператору и корреспонденту Алёне на полицейских, медленно раздвигающих нестройные ряды адептов «Северной Веды», и направилась вслед за Михальчуком.

Они уселись на заднее сиденье его личной Toyota Landcruiser: Михальчук пропустил Клариссу вперед и, пыхтя, залез следом. Хлопнула дверца. Полицейский опустил немного стекло, вытянул из кармана пачку сигарет, сунул одну в рот и предложил Львовой:

– Покурим?

– У меня свои. – Она достала из-под дождевика одну тонкую сигаретку, зажала ее в узких красных губах и прикурила от протянутой Михальчуком зажигалки.

– Ну, Клара, рассказывай, что ты тут хулиганишь? – спросил полицейский, выдохнув в узкую щель в окне большой клуб дыма, часть которого тут же повисла под высоким потолком джипа серым пологом.

– Работаю я, Стас, – недовольным голосом отозвалась Львова. – А ты зачем сам приехал?

– А я тоже работаю, – сказал Михальчук. – У меня категорический приказ: никого постороннего рядом с раскопом. А тут звонят в отделение эти два обормота, ничего не говорят толком, чуть не кричат про нештатную ситуацию и что нужна помощь. Если бы я знал, что это ты, не приехал бы, а то у меня и без этого головных болей хватает: следователи приехали из Михайловска по поводу этого утонувшего в бассейне парнишки, ограбление с тяжкими телесными в Слободке, да и вообще, что-то у нас неспокойно в последнее время... Могла бы и предупредить, кстати, по дружбе, что собираешься тут устраивать свой шабаш.

– Ой, Стас, – отмахнулась Львова. – Не хотела портить эффект. Планировалось, что твои бойцы будут прогонять всех от ворот, может, хотя бы за руки тянуть или толкать. Кого-нибудь из моих старых кошелок в грязь уронят.

– А мне потом отвечать, да?

– Да ладно, не было бы никаких жалоб, просто для картинки хорошо.

– Ну, теперь уже не уронят, – резонно заметил Михальчук.

– Теперь уж да. Слушай, ну если не будет толкотни, может, что-нибудь другое придумаем? Мне нужно людям дать что-то, не зря же они в эту даль приперлись, да еще в такую погоду.

– Что, например?

Львова задумалась.

– Ну, пусть нам откроют ворота.

Михальчук предостерегающе поднял руку.

– Нет, нет, мы заходить не будем, – торопливо заверила его Львова. – Просто это будет маленькой победой: хоть к самому капищу пройти не удалось, но нам дали посмотреть на него издали, поклониться и вознести молитвы. Типа того.

– А кому молиться-то будете? – не без ехидства осведомился Михальчук.

– Да как всегда, – пожала плечами Львова. – Вечным богам, духам предков, какая разница?

– Ну хорошо, Клара, но только посмотреть. Я за это место головой отвечаю перед такими людьми, что тебе лучше и не знать.

Кларисса промолчала. Перед какими людьми отвечает Михальчук за сохранность ямы, она догадывалась.

Они вышли из машины. Возмущение и перебранка у ворот тем временем уже улеглись, люди – и в форме, и в плащах – сбились кучками под яростным ветром, негромко переговариваясь и ожидая своих лидеров.

– Братья и сестры! – громко возгласила Львова. – Наши требования были услышаны! И хоть прикоснуться к святыне сегодня – только сегодня, подчеркиваю! – нам не удастся, мы сможем увидеть ее издали! Нам откроют ворота! Готовьтесь вознести слова благодарности и мольбы!

– Открой, открой, – махнул рукой Михальчук и добавил: – только не очень широко.

Дегтярев стукнул кулаком по железной створке ворот. Загремел замок, и ворота, преодолевая сопротивление ветра, приотворились. В нескольких десятках метров от них, ярко освещенный светом прожектора, над землей приподнимался пластиковый ядовито-синий купол.

Толпа ахнула.

Зрелище действительно было фантастическое и несколько нереальное. Черные неестественно резкие тени от бульдозера лежали на мокрой траве и развороченном песке и прятались в спутанных, поникших стеблях в тех местах, до которых не успела добраться строительная техника. Синий пластик среди всего этого смотрелся странно чужим, инородным, как артефакт из потустороннего мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.